

Обл загл.

[Двенадцать месяцев
или
Венок, сплетенный из
двенадцати рассказов,
посвящаемый юным друзьям
природы]. [М. 1842]

ДВѢНАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ.

ДВѢНАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ

или

ВЗАИМНОЕ КРУГОВРАЩЕНІЕ

ЖИЗНИ И ПРИРОДЫ.

ВѢНОКЪ,

СПЛЕТЕННЫЙ ИЗЪ ДВѢНАДЦАТИ РАЗСКАЗОВЪ,

посвящаемый

ЮНЫМЪ ДРУЗЬЯМЪ ПРИРОДЫ,

Съ двѣнадцатью гравированными картинками.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,
При Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 22 дня, 1841 года.

Цензоръ, Профессоръ Н. Крыловъ.

Январь

Нет в/обл. **КНИГА ИМЕЕТ:** б/обр.

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1946 г.
1/1					12	13	226/1515	

Зак. 242. Тир. 240 тс.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почтенный издатель предлагаемой книжки, имѣя предварительно двѣнадцать хорошенькихъ эстамповъ, изображающихъ отличительныя принадлежности всѣхъ мѣсяцевъ года, предложилъ мнѣ составить для каждой изъ этихъ картинокъ соотвѣтственный текстъ, желая такимъ образомъ доставить юношеству чтеніе занимательное и вмѣстѣ полезное.

Исполнить такого рода предложеніе было нелегко, потому что при всемъ изяществѣ эстамповъ, при всей ясности, съ какою они изображали принадлежности каждаго мѣсяца, представлялось затрудненіе найти въ нихъ предметъ для повѣстей и

разсказовъ, которые заключали-бы въ себѣ и занимательность и наставленіе, не только для дѣтей, но даже и для юношей. По мѣрѣ силъ моихъ я тщился со всевозможнымъ усердіемъ выполнить желаніе издателя, и надѣюсь, что предлагаемая книжка удостоится одобренія родителей и воспитателей не по однимъ только картинкамъ.

При составленіи предлагаемой книжки, я имѣлъ правиломъ доставить направленію цѣлаго *единство*, изображенію — *истину*, и съ *разнообразіемъ* соединить *поучительность*, имѣющую наибольшее вліяніе на *сердце и нравственность*.

Успѣлъ-ли я въ этомъ, предоставляю судить безпристрастнымъ и благомыслящимъ особамъ; милые-же мои юные читатели съ довѣренностію могутъ удѣлить часть своего времени на прочтеніе книжки, издаваемой въ свѣтъ не по какимъ либо расчетамъ, но единственно съ намѣреніемъ содѣйствовать общему благу и пользѣ.

—⁂—

I.

Январь.

Торжественно встрѣчаютъ люди начало года: *съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!* Этими словами всѣ привѣтствуютъ другъ друга въ первый день Января. Не найдется, можетъ быть, ни одного человѣка, который не обозрѣлъ-бы въ этотъ день всю свою протекшую жизнь, не припомнилъ бы о минувшихъ радостяхъ и горестяхъ, не составлялъ-бы множества самыхъ веселыхъ предположеній для будущаго. Новый годъ начинается среди общаго, глубокаго усыпленія природы; взоры путника вездѣ встрѣчаютъ только пустыню, покрытую снѣгомъ; и сельскіе и городскіе жители одинаково живутъ заключенниками въ тепло натопленныхъ покояхъ, изрѣдка поглядываютъ въ окна на окоченѣвшую природу и предаются зимнимъ забавамъ, которыя также имѣютъ свою особенную привлека-

тельность. Начинаются вечернія бесѣды, театральныя представленія, маскерады, балы, музыка, танцы, — все это дѣлаетъ печальный Январь веселымъ мѣсяцемъ для людей *достаточныхъ*; но для *бѣдныхъ* онъ грустнѣе всѣхъ другихъ, если только это возможно, если есть для бѣдняка мѣсяцъ негрустный: холодъ, нужда, дороговизна всѣхъ житейскихъ потребностей, недостатокъ работы и даже времени, по причинѣ краткости дня, — вотъ положеніе въ какомъ находятся бѣдняки зимою. Между тѣмъ какъ у насъ въ этомъ мѣсяцѣ глубокая зима, на южномъ полушаріи царствуетъ лѣто. *Четырнадцатаго* Января у насъ переломъ зимы, и къ концу этого мѣсяца холодъ уже смягчается, ощутительно приближеніе весны; день прибавляется цѣлымъ часомъ. *Перваго* Января солнце восходитъ въ 7 часовъ 54 минуты, а садится въ 4 часа и 6 минутъ.

НОВЫЙ ГОДЪ

И

ЗИМНІЯ ЗАБАВЫ

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

На канунѣ новаго года все семейство Совѣтника Брандта собралось за ужиномъ. Дѣти были очень печальны и молчаливы; наконецъ одинъ изъ нихъ, по имени Карлъ, перервалъ общее молчаніе и сказалъ: надо сознаться, что зима самое скучное время года.

«Ты несправедливъ, отвѣчалъ ему отецъ, зима имѣетъ также свои пріятности. Если ясное небо не обманываетъ меня, то завтра будетъ прекрасная погода; мы отправимся утромъ къ брату въ Шлосбергъ и вмѣстѣ съ его семействомъ встрѣтимъ новый годъ.»

— Ахъ! какъ это прекрасно! вскричали дѣти, хлопая въ ладоши.

«Да, прибавилъ Карлъ, это въ самомъ дѣлѣ хорошо, и я начинаю также вѣрить, что и зима имѣетъ свою хорошую сторону.

Ожиданіе отца исполнилось, погода въ Новый годъ была прекрасная; дѣти проворно укутались шубами, сѣли съ отцомъ въ санки и помчались въ замокъ полковника фонъ-Брандта, гдѣ были дружески встрѣчены своими двоюродными братьями.

— Ахъ! кричали они, какъ здѣсь хорошо даже и зимою!

« Если-бъ моя воля, сказала Эмилія, десятилѣтняя дочь Совѣтника, то я предпочла-бы житье въ вашемъ замкѣ всѣмъ на свѣтѣ баламъ и вечернимъ обществамъ.

— Пойдемте-же кататься, перервали двоюродные братья, берите коньки! А для тебя, Эмилія, и для маленькихъ братьевъ, которые также не умѣютъ кататься на конькахъ, у насъ есть прекрасныя салазки. Дѣти шумно бросились изъ дому и на прилагаемой картинкѣ мы видимъ какъ они катаются.

Забавы эти прекратились только въ то время, когда ихъ позвали къ обѣду, потому что разгоряченные сильнымъ движеніемъ, они не чувствовали холода и возвратились домой совершенно бодрые, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Послѣ стола играли въ разныя игры и, наконецъ, Гейнрихъ старшій изъ сыновей Полковника, очень умненькій и прилежный мальчикъ, взялся разсказать своимъ товарищамъ недавно читанную имъ повѣсть — Жанъ-Поля, писанную на новый годъ. Вотъ она:

ЧУВСТВОВАНІЯ НЕСЧАСТЛИВЦА ВЪ НОЧЬ

НАКАНУНѢ НОВАГО ГОДА.

Въ ночь наканунѣ новаго года человѣкъ не молодыхъ лѣтъ стоялъ у окна и смотрѣлъ попеременно то на ясное вѣчно-неизмѣнное небо, то на покоющуюся покрытую снѣгомъ землю, гдѣ не было, можетъ быть, существа, отъ котораго радость и сонъ были-бы такъ далеко какъ отъ него. И ему было о чемъ погоревать; онъ ужь старъ, онъ быстро приближался къ могилѣ, въ которую не принесъ ничего кромѣ заблужденій, грѣховъ и болѣзней, кромѣ тѣла истощеннаго излишествами,—души, растерзанной страстями, сердца, ноющаго отъ раскаянія. Какъ привидѣнія толпились у него въ душѣ первые прекрасные дни его молодости; опять воскресло во всей красѣ своей то веселое утро, когда отецъ вывелъ его на путь жизни и далъ ему волю идти куда хочетъ — вправо или влѣво. Вправо шла дорога добродѣтели, которая вела въ далекую, но спокойную страну, полную свѣта и наградъ и населенную Ангелами; влѣво шелъ путь порока, ведущій въ темную туманную пещеру, гдѣ со сводовъ безпрестанно капалъ ядъ, гдѣ ползали змѣи, готовыя кинуться на человѣка, впиться въ грудь его.—Увы! змѣи обвивались вокругъ него, онъ чув-

ствовалъ капли яда на языкѣ своемъ и понималъ гдѣ находится.

Въ избыткѣ невыразимой скорби, онъ поднялъ къ небу отчаянные взоры и вскричалъ:

— О! возврати мнѣ *молодость!* Отецъ! веди меня опять на путь жизни, теперь я иначе выберу.

Но ни отца, ни молодости давно уже не стало. Онъ увидѣлъ болотные огни и сказалъ: это дни моихъ заблужденій!

Онъ увидѣлъ звѣзду, упавшую съ неба, которая ярко блеснула въ паденіи и угасла, достигнувъ земли. «Это я! вскричалъ онъ.

Въ самомъ разгарѣ этой внутренней борьбы вдругъ онъ услышалъ звуки органа и церковное пѣніе, возвѣщавшіе о томъ, что началась торжественная служба на новый годъ. — Ему сдѣлалось нѣсколько легче. — Онъ поглядѣлъ вдаль, кругомъ на спящую землю, вспомнилъ о сверстникахъ, друзьяхъ молодости своей: всѣ они были счастливѣе и лучше его, всѣ они наставники человѣчества, отцы счастливыхъ дѣтей, люди благословенные Богомъ; припомнивъ всѣхъ ихъ, онъ сказалъ:

«О если-бъ захотѣлъ, и я могъ бы также какъ и вы спокойно, не проливая слезъ, проводить эту первую ночь. Я могъ-бы быть счастливъ, любезные родители, если-бъ послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, если-бъ выполнилъ то, чего вы такъ часто желали мнѣ въ день новаго года.

Между тѣмъ онъ смотрѣлъ на часовню; разстроенное воображеніе представило ему, что онъ видитъ тамъ трупъ человѣка, и будто-бы трупъ этотъ всталъ, идетъ къ нему. Боже! это онъ самъ! его черты, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ молодой.

И онъ не могъ далѣе выносить, закрылъ глаза, изъ которыхъ полились горячія слезы, онъ тяжко вздохнулъ, отчаянно вскричалъ:

— Воротись опять, моя молодость! воротись опять!

И *она воротилась*, потому что все видѣнное имъ было не что иное, какъ только ужасный сонъ. Онъ былъ еще юношей, но дѣйствительно впалъ во многія заблужденія. И онъ жарко началъ молиться, благодарить Бога за то, что еще молодъ, что можетъ воротиться съ пути порока на путь добродѣтели, идти въ страну свѣта и наградъ.

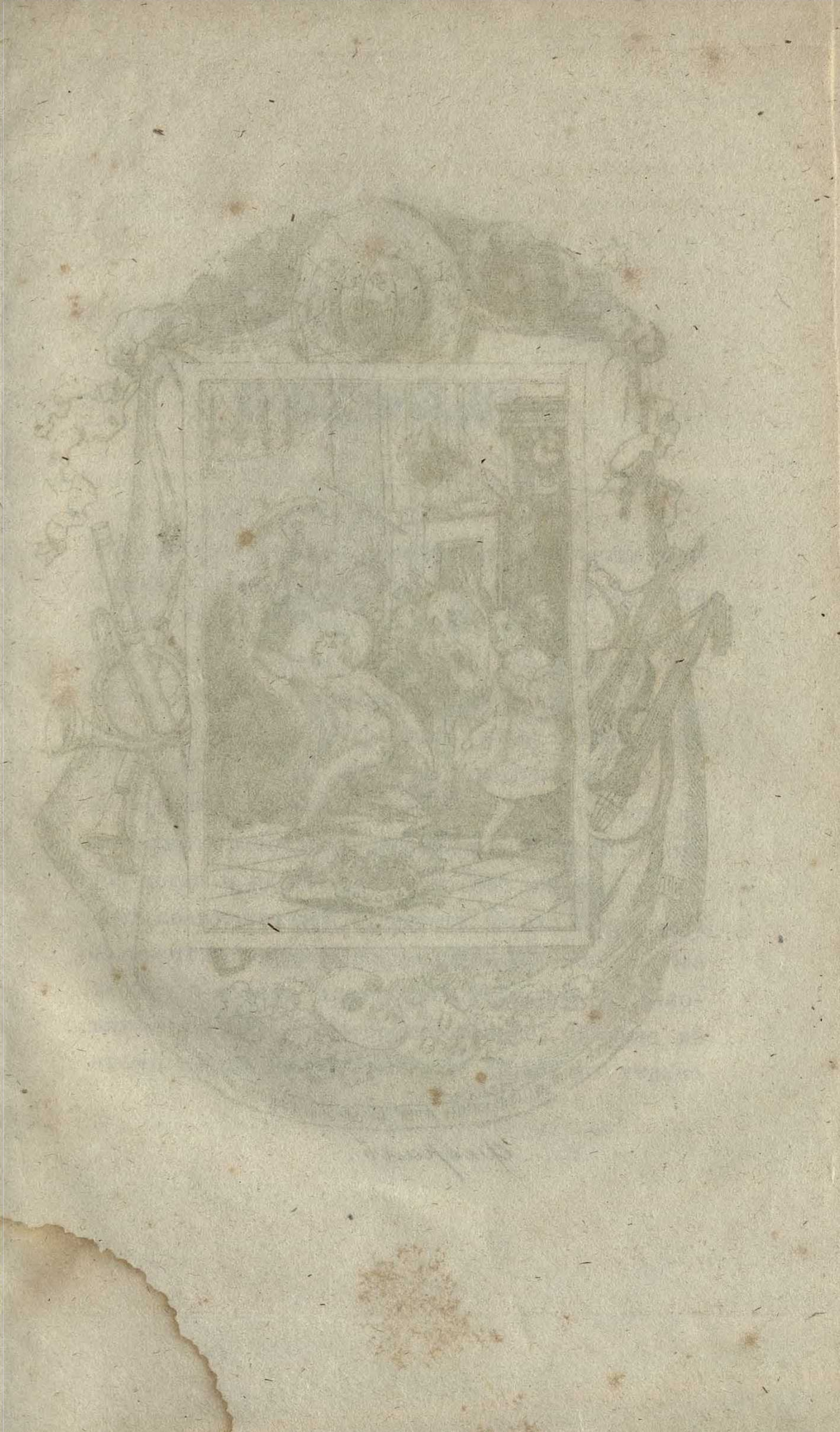
Воротись вмѣстѣ съ нимъ, молодой читатель, если ты также предался заблужденіямъ. Этотъ страшный сонъ будетъ со временемъ твоимъ судьею; но если ты пропустишь случай, то нѣкогда безполезно будешь восклицать: «Воротись прекрасная молодость!» она не воротится!

Молодые слушатели видимо были поражены этимъ разсказомъ.

— Мы употребимъ въ пользу нашу молодость!

вскричали старшіе мальчики, простирая къ отцамъ руки.

— Это прекрасный и поучительный разсказъ, очень приличный для новаго года, сказалъ Совѣтникъ фонъ-Брандтъ; не забывайте наставленія, преподаннаго вамъ знаменитымъ поэтомъ, и вѣрьте, что если сдержите слово, то усладите нашу старость, исполните радостью наши послѣдніе дни. Да благословитъ Богъ ваши начинанія также, какъ мы васъ благословляемъ въ качествѣ добрыхъ, благородныхъ дѣтей.

Февраль.

II.

Февраль.

Въ началѣ Февраля, яснѣе обнаруживается приближеніе весны; стужа вообще смягчается, хотя иногда бываютъ еще довольно сильные морозы; возрастающая сила солнечныхъ лучей обнаруживается тѣмъ, что въ ясные дни снѣгъ таетъ. Въ половинѣ Февраля появляются грачи, ястреба, соколы. 16-го числа день уже прибавляется двумя часами. Между тѣмъ земледѣлецъ готовится къ весеннимъ работамъ; начинаются туманы; хотя кой-когда и идетъ снѣгъ, но онъ никогда не лежитъ долго, тотчасъ стаиваетъ. Около 22-го числа появляется предвѣстникъ весны — жаворонокъ. Ива цвѣтетъ; вѣтеръ дуетъ теплый, воздухъ становится пріятнѣе, благорастореннѣе. Вообще въ этомъ мѣсяцѣ много выпадаетъ снѣга, по утрамъ

морозитъ. Однакожъ, въ исходѣ, Февраля оттепель становится чаще, лёдъ на рѣкахъ и прудахъ ломается, по лугамъ кой-гдѣ показывается зелень. — *Перваго* Февраля солнце восходитъ въ 7-мъ часовъ и 20-ть минутъ, садится въ 4 часа 40 минутъ. День примѣтно ростетъ.

—⁂—

ЛЮБОВЬ КЪ ИСКУССТВАМЪ

ОБЛАГОРОЖИВАЕТЪ И УЛУЧШАЕТЪ ЧЕЛОВѢКА,

или

ИЗЦѢЛЕННАЯ СТРАСТЬ КЪ ЗАБАВАМЪ.

Увеселенія не должны быть постоянною принадлежностію нашей жизни, а только минутными въ ней явленіями; онѣ должны быть поощреніемъ къ труду, къ исполненію нашихъ обязанностей. А потому ими должно наслаждаться только *изрѣдка*, послѣ постояннаго труда; *гоняться же* за ними отнюдь не должно. Кто *гоняется*, хотя-бы даже за позволительными невинными забавами, тотъ уже на пути гибели. Гораздо менѣе людей погибло отъ излишняго напряженія въ трудѣ, нежели отъ частаго наслажденія такъ называемыми *радостями житейскими*.

Вникните хорошенько, разсмотрите эти радости житейскія, вкушаемыя особенно тѣмъ кругомъ, который называютъ *большимъ свѣтомъ*, въ чемъ онѣ состоятъ? Въ *обѣдахъ*, которыя продолжаются часто полдня, разслабляютъ тѣло, зарождаютъ мно-

жество болѣзней, уничтожаютъ бодрость духа и быстро ведутъ къ могилѣ; въ *игрѣ*, которая убиваетъ спокойствіе сердца, пріучаетъ человѣка къ алчности, развращаетъ его душу; въ *гуляньяхъ*, удовлетворяющихъ суетность, служащихъ только предлогомъ, чтобъ выказать свой экипажъ, свое щегольство; въ *бесѣдахъ*, гдѣ неминуемо главное мѣсто занимаютъ злословіе, сплетни, болтовня легкая, но пустая, убивающая всякое дѣльное развитіе умственныхъ способностей; въ *балахъ* и *танцахъ*, сокрушающихъ стыдливость молодёжи, убивающихъ нравственность. И что остается послѣ всѣхъ этихъ увеселеній? Утомленіе, пустота въ сердцѣ и умѣ, скука. Послѣ труда, какой-бы онъ ни былъ тяжелый, напряженный, не остается по крайней мѣрѣ ни скуки ни пустоты въ сердцѣ.

И однакожъ, въ наше несчастное время, ничто не распространяется такъ быстро, какъ эта жалкая, ничтожная, гибельная страсть къ наслажденіямъ. Она всегда начинаетъ развиваться въ высшихъ классахъ общества, которые своимъ блескомъ и примѣромъ увлекаютъ и другія состоянія. Особенно *женщины* болѣе всего предаются этой страсти, потому что менѣе мужчинъ имѣютъ занятій важныхъ, требующихъ всего вниманія, всей дѣятельности человѣческой. А какъ женщины, естественныя воспитательницы перваго дѣтства нашего, имѣютъ чрезвычайно много вліянія на обществен-

ную нравственность: то можно сказать утвердительно, что нѣтъ и не было еще язвы такой губительной для государственнаго благосостоянія, и вообще для достоинства человѣка и въ качествѣ Христіанина и въ качествѣ гражданина, какъ злосчастная страсть шманаться по баламъ. У каждаго человѣка есть свои обязанности, у женщинъ также; для нея обязанности эти заключаются всѣ въ попеченіяхъ домашнихъ, о дѣтяхъ и хозяйствѣ. Спрашивается: будетъ-ли имѣть терпѣніе заниматься хозяйствомъ и дѣтьми женщина, у которой на умѣ только и вертится какъ-бы уѣхать куда нибудь поягозить, побалясничать, поплясать? Скажутъ, что *изрѣдка* нѣтъ бѣды позволить себѣ *невинное* развлеченіе: но въ такомъ случаѣ, если эти развлеченія *рѣдки*, такъ не велика была-бы и жертва отказаться отъ нихъ для семейнаго счастья, и не за чѣмъ пріучать къ нимъ молодёжь, особенно дѣвушекъ; при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что человѣкъ по природѣ своей привыкаетъ легко къ тому, что для него весело, но отвыкаетъ *съ большимъ трудомъ*, и если даже успѣетъ одолѣть себя, оторваться отъ привычки или страсти, то всегда съ чувствомъ очень горькимъ; слѣдственно онъ становится несчастливъ, и несчастливъ отъ чего? отъ пустяка, который не имѣлъ-бы никакого вліянія на его спокойствіе, если-бъ его не пріучили къ нему!

Такимъ мыслямъ часто предавался полковникъ

Арманъ; онъ рано овдовѣлъ, и все его утѣшеніе составляла единственная дочь, объ счастіи которой онъ неусыпно заботился. Эмилія вполнѣ достойна была нѣжности и попеченій родительскихъ. Кромѣ прекрасной наружности, природа надѣлила ее и многими нравственными качествами: умомъ, чувствительностью, добротою сердца. Ей было еще только шестнадцать, лѣтъ и ужь въ этомъ нѣжномъ возрастѣ она умѣла утѣшать несчастныхъ, благотворить бѣднымъ. Отецъ ея былъ очень богатъ, а потому въ этомъ отношеніи она свободно могла удовлетворять благороднымъ влеченіямъ сердца своего. Всѣ любили ее; она составляла лучшее украшеніе высшаго, блестящаго общества; не давалось въ цѣлой столицѣ ни одного бала, ни одного празднества, куда-бы не пригласили Эмилію.

Къ несчастію старая тетка, жившая при Эмиліи по смерти ея матери, имѣла неосторожность слишкомъ часто вывозить Эмилію въ высшее общество, и начала такіе выѣзды съ нею очень рано. А отъ того къ этой прелестной розѣ привилась полынь — страсть къ увеселеніямъ. Эмилія почти каждый вечеръ бывала въ блестящихъ обществахъ, а въ шумное карнавальное время, когда весь городъ пляшетъ до упаду, въ иной день ей случалось быть приглашенною на два на три бала. Она охотно танцовала, потому что была мастерица. Можно составить себѣ понятіе, сколько важности она приписывала этимъ

празднествамъ, съ какой ребяческой попечительностью выбирала наряды свои!

Г. Арманъ съ большимъ безпокойствомъ замѣтилъ возрастающую страсть своей любезной Эмиліи. Кромѣ вреда здоровью, онъ тревожился, что такая охота къ забавамъ нанесетъ ущербъ и ея добродѣтелямъ. Прежде всего онъ объяснился объ этомъ съ сестрою своей, которая, не смотря на вѣчную гостинную жизнь свою, всё-таки имѣла столько разсудка, чтобы понять справедливость его замѣчанія. Но имѣя множество знакомыхъ въ свѣтѣ, она не чувствовала въ себѣ достаточной твердости, а можетъ быть, и доброй воли, чтобы отказаться отъ свѣта. Если, по желанію отца, Эмиліи случалось отказаться отъ какого нибудь посѣщенія, то Г. Арманъ замѣчалъ, что она дѣлала это всегда съ большимъ прискорбіемъ; и тогда, по грусти, какая овладѣвала ею, онъ могъ видѣть, какъ глубоко зло это вкоренилось въ ея чистую душу. Можно себѣ представить горесть, которую долженъ былъ испытывать этотъ добрый отецъ, видя такимъ образомъ въ опасности всю будущность своей любезной дочери, единственнаго существа, которое было дорого ему на землѣ!

Г. Арманъ понималъ, что строгимъ сопротивленіемъ не можетъ уничтожить страсть, уже возбужденную въ сердцѣ Эмиліи, а только подавитъ ее на время, послѣ чего она вспыхнетъ опять съ новою

силой. А потому онъ ограничивался только отеческими, кроткими увѣщаніями, но и къ нимъ прибѣгалъ рѣдко, потому что хотя она и всегда выслушивала съ дѣтской покорностью, но при первомъ блестящемъ балѣ тотчасъ обнаруживалось, какъ наставленія эти мало имѣли на нее вліянія. Онъ старался возбудить въ сердцѣ Эмиліи склонность къ искусствамъ въ той увѣренности, что ученіе и болѣе серьёзное образованіе духа составляютъ надежнѣйшее средство отвлечь ее отъ страсти къ увеселеніямъ и безразсудствъ, забавляющихъ толпу. Въ этомъ случаѣ онъ воспользовался способностью Эмиліи къ живописи. Онъ нанялъ ей въ учители одного изъ лучшихъ столичныхъ художниковъ, накупилъ множество прекрасныхъ картинъ и, видя успѣхи ея, обнаруживалъ необыкновенную радость.

Казалось, и въ самомъ дѣлѣ, благоразумно выбранное средство отвлечь сердце Эмиліи отъ пошлой жизни обыкновенныхъ людей и направить духъ ея къ цѣли, болѣе возвышенной, будетъ небезуспѣшно. Она оказала большіе успѣхи въ живописи и полюбила ее такъ, что иногда охотно отказывалась для нея отъ баловъ.

Однажды отцу вздумалось испытать, какъ много искусство взяло вліянія надъ духомъ Эмиліи? У одного изъ богатѣйшихъ столичныхъ банкировъ назначенъ былъ балъ; во всей столицѣ ужь нѣсколько недѣль только и было толку, что объ этомъ балѣ.

Объ немъ вездѣ носились самые преувеличенные слухи; онъ долженъ былъ превзойти великолѣпіемъ все, что до сихъ поръ видѣли въ этомъ родѣ. А потому во всѣхъ модныхъ магазинахъ замѣтно было величайшее движеніе; всѣ свѣтскіе щеголи и щеголихи нетерпѣливо ждали назначеннаго дня.

Г. Арманъ и дочь его принадлежали также къ счастливцамъ, приглашеннымъ на балъ банкира. Эмилія была внѣ себя отъ радости; она ужь такъ много наслышалась объ этомъ балѣ. Тамъ должно было собраться все отличнѣйшее столичное общество въ полномъ своемъ блескѣ.

« Папенька, сказала она теткѣ, поступитъ очень жестоко, если откажетъ мнѣ въ этомъ удовольствіи.»

— Я ни мало не намѣренъ отказывать тебѣ въ немъ, любезная Эмилія, отвѣчалъ Г. Арманъ; вижу, что тебѣ очень хочется на этотъ балъ. Правда, что платье бальное, которое ты надѣнешь одинъ только разъ, будетъ стоить двѣсти талеровъ: однакожь вотъ деньги, сшей себѣ это платье или употреби куда хочешь, если найдешь какое нибудь удовольствіе, которое понравится тебѣ больше, нежели балъ у Г-жи Фонъ-Кс.

« На этотъ разъ, любезный папенька, я никакого другаго удовольствія лучше не предвижу и очень благодарю васъ. О! какъ я буду счастлива! »

Эмилія тотчасъ послала за швеей. Между тѣмъ пришелъ художникъ, который училъ ее живописи.

Онъ разсказалъ, что видѣлъ въ одномъ картинномъ магазинѣ отличнѣйшую картину.

— Картина эта, продолжалъ онъ, представляетъ дѣтскій маскерадъ, и фигуры въ ней расположены такъ искусно, колоритъ такъ хорошъ, что ее не стыдно-бы повѣсить даже въ княжескомъ домѣ.

Эмилія, любопытствуя видѣть картину, просила тетку свою и живописца съѣздить съ нею въ магазинъ, гдѣ картина эта была выставлена. Пріѣхавши туда, она изумилась красотѣ картины. Въ приложенной къ Февралю гравюрѣ читатели наши могутъ видѣть ея слабый очеркъ.

«Достойно вниманія, сказалъ живописецъ, что цѣна этому прекрасному произведенію живописи назначена самая дешевая. Ее отдаютъ за сто талеровъ, и если-бы у меня были эти деньги, то я сей часъ-же купилъ-бы ее.

Между тѣмъ какъ онъ обращалъ вниманіе своей ученицы на особенности колорита, въ душѣ Эмиліи происходила ужасная борьба. Картина и балъ неистово враждовали между собою. Если отказаться отъ бальнаго платья, то она можетъ купить картину. Между тѣмъ подошелъ хозяинъ магазина и на вопросъ Эмиліиной тетки объявилъ, что картина эта принадлежала обанкрутившемуся купцу N., написана однимъ Англійскимъ художникомъ и была очень любима всѣмъ семействомъ Г. N.

Эмилія не охотно оставила магазинъ и, воротясь

домой, нашла у себя швею, присланную изъ моднаго магазина съ разными матеріями для выбора.

Между тѣмъ какъ она разсматривала эти матеріи, въ комнату вошелъ Г. Арманъ. Эмилія тотчасъ разсказала ему о картинѣ, столько возбудившей ея вниманіе, и въ самомъ дѣлѣ принадлежавшей къ лучшимъ въ картинной галереѣ несчастнаго Г. N. Описывая подробности картины, она не обращала вниманія на швею, присланную изъ магазина, которая, услышавъ описаніе картины и упомянутое при этомъ имя Г. N., судорожно схватилась за кресла, и, наконецъ, осиленная внутреннимъ волненіемъ, упала въ обморокъ. Эмилія и тетка ея тотчасъ схватили бѣдную на руки, отнесли въ спальню и всячески ухаживали за нею.

Когда она пришла въ себя, то принялась горько плакать; слезы, казалось, облегчили скорбь, тяготившую ея сердце, и наконецъ она сказала:

«Извините меня, добрая барышня, что я такъ напугала и обезпокоила васъ; но вамъ и въ голову не приходило, когда вы расказывали о несчастной картинѣ, что слова ваши на сквозь пронзили сердце мое. Я несчастная вдова N.; мужъ мой съ отчаянья застрѣлился. Прежде я жила въ богатствѣ и уваженіи, а теперь должна служить у магазинщицы, за малое жалованье разносить по домамъ разныя матеріи, какихъ сама прежде много имѣла, и сверхъ того часто выносить ругательства! Картина, объ

которой вы говорили съ такимъ участіемъ, изображаетъ меня самоё, въ то время, когда я еще была ребенкомъ. Бѣднаго мужа моего, меня и весь домъ нашъ погубила безумная страсть къ баламъ и увеселеніямъ, которыя ни сколько не доставляютъ истиннаго счастія, но почти всегда приводятъ къ горькому раскаянію! Я имѣла мужа излишне добраго; онъ не умѣлъ противиться моимъ просьбамъ и, уступая моему желанію—давать балы и ѣздить по баламъ, входилъ въ непомѣрныя издержки, которыя разорили его. Когда я прихожу къ какой нибудь барышнѣ, столь-же доброй и прекрасной, какъ вы, когда вижу какъ она охотно предается упоительнымъ свѣтскимъ забавамъ, то сердце мое сжимается, легкіе товары, которые я приношу, кажутся мнѣ тяжелы, какъ свинецъ, и я не могу воздержаться, чтобы не предостеречь неосторожную дѣвушку.

Эмилія и тетка ея были сильно поражены.

— Несчастная женщина! вскричала Эмилія, увлеченная добротою сердца своего, вотъ что папенька далъ мнѣ на бальное платье, возьмите себѣ и будьте увѣрены, что я употреблю въ пользу для себя ваши слова, никогда не забуду вашей грустной исторіи.

Эмилія не была на блестящемъ балу банкира Кс. Она такъ изцѣлилась отъ страсти къ свѣтской жизни, что отецъ даже иногда выговарилъ ей за это, увѣряя, что изрѣдка потанцовать есть удовольствіе безвредное.

— Мое величайшее удовольствіе, отвѣчала она, моя лучшая радость состоитъ въ томъ, чтобы остаться вашей доброй дочерью, сдѣлаться достойною вашей любви.

При этомъ она взглядывала на картину, которую отецъ купилъ ей, и всегда припоминала исторію швеи.

III.

МАРТЪ.

Съ первыхъ чиселъ Марта начинается физическая *весна*. Съ самыхъ первыхъ числъ земля начинаетъ отходить. Солнечные лучи съ каждымъ днемъ обнаруживаютъ болѣе сильное дѣйствіе; день прибавляется уже *четырьмя* часами. Снѣгъ сбѣгаетъ; частые, холодные, сухіе вѣтры болѣе и болѣе осушаютъ замлю. Начинаютъ прилетать разныя птицы: дикія утки, дрозды, журавли. Появляется наконецъ и соловей съ своими сладкими пѣснями. Въ исходѣ этого мѣсяца зажиточные горожане начинаютъ пріискивать дачи, для лѣтняго житья. Появляются сморчки и кой-какіе цвѣточки; въ садахъ начинается работа; земледѣлецъ подготовляетъ свои орудія и пашню. Въ Мартѣ атмосфера часто подвергается сильнымъ переворотамъ; туманъ покрываетъ равнины и уг-

Мартъ.

лубленія земли , погода безпрерывно измѣняется. Въ равноденствіе (около 12 Марта) бываютъ обыкновенно бурные, сильные вѣтры. Въ этомъ мѣсяцѣ наиболѣе умираетъ людей ; малѣйшая неосторожность можетъ повлечь жестокую болѣзнь. Марта 1 го солнце восходитъ въ 6 часовъ и 34 минуты утра , садится въ 5 часовъ 26 минутъ вечера.

—⁂—

ВСПЫЛЧИВОСТЬ

и

ВРАЧЪ ОТЪ НЕБА.

Есть много людей, которые, при добромъ сердцѣ и благородныхъ склонностяхъ, бываютъ подвержены недостатку *вспыльчивости*. А въ гнѣвѣ человѣкъ похожъ на пьянаго; онъ не только лишается разсудка, но и не способенъ внимать лучшимъ влеченіямъ сердца своего. И для мужчины недостатокъ этотъ *опасенъ*, а въ женщинѣ онъ даже *отвратителенъ*.

Одинъ изъ друзей моихъ жилъ въ своемъ замкѣ, не подалеку отъ Вѣны; у него было двое дѣтей: мальчикъ, черезвычайно кроткій, много обѣщавшій, дѣвочка, одаренная большою красотой и рѣдкими талантами. Гейнрихъ, такъ назывался сынъ, учился очень успѣшно, и ежедневно болѣе и болѣе радовалъ отца; тринадцати-лѣтняя Элиза сестра его, старшая ему двумя годами, съ пріятнѣйшею наружностью

соединяла блестящій, острый, живой умъ и необыкновенную любезность, которая дѣлала ее душою общества. Но вмѣстѣ съ этими преимуществами, внимательный наблюдатель замѣтилъ-бы въ ней вспыльчивость, характеръ раздражительный, вслѣдствіе котораго обращеніе ея съ подчиненными часто отличалось явной суровостью. Многіе и замѣчали эту неблагопріятную особенность милой дѣвушки, не видалъ ея только ослѣпленный нѣжностью отецъ.

Всѣхъ больше въ домѣ доставалось отъ Элизы прислугѣ. Отецъ на нее возложилъ попеченіе о нѣкоторыхъ хозяйственныхъ частяхъ, а потому ей часто представлялись случаи къ обнаруженію своего раздражительнаго характера. То она кричала на неловкую кухарку, то на лѣнивую горничную, то осыпала упреками стараго Егора, который исполнялъ въ домѣ должность ключника и садовника.

Этотъ Егоръ, бездѣтный и безродный старикъ, издавна служившій въ домѣ еще при родителяхъ моего пріятеля, былъ слуга добрый, вѣрный и до чрезвычайности преданный къ господамъ своимъ. Служа ужь такъ давно, будучи очень старъ и считая смерть весьма отъ себя недалекою, добрый Егоръ конечно могъ огорчаться суровымъ съ нимъ обращеніемъ Элизы, но не могъ по этой причинѣ отвыкнуть отъ своей вѣрности и привязанности: чувства эти остались въ немъ неизмѣнными.

Единственнымъ другомъ и утѣшителемъ старика, всѣми покинутаго, для всѣхъ чужаго, была бѣлая лягавая собака, называвшаяся Карро; она одна забавляла бѣднаго Егора своимъ инстинктомъ и понятливостью, радовала своей трогательной вѣрностью и любовью.

Карро былъ надѣленъ отъ природы только тѣми достоинствами, которыя могутъ нравиться единственно людямъ, умѣющимъ даже и въ животныхъ цѣнить не одну наружность. Карро былъ худъ и долговязъ, имѣлъ кривыя лапы, короткій хвостъ, длинную и грубую шерсть. Сверхъ того, сторожа денно и нощно садъ, онъ безпрерывно бѣгалъ по грядамъ, часто на нихъ валялся, и потому былъ вѣчно испачканъ грязью.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что Карро часто подвергался вспыльчивымъ выходкамъ Элизы. Случалось-ли ему завернуть на кухню, барышня тотчасъ бросалась на него съ метлой, попадалъ-ли онъ нечаянно въ господскіе хоромы, барышня поднимала ужасный крикъ:

— Вонъ, его гадкаго, переломайте ему всѣ ноги!

Вотъ единственныя изъявленія благосклонности, какія бѣдная собака, за вѣрную службу свою, получала отъ прекрасной барышни. И каждый разъ злополучный Карро долженъ былъ почитать себя счастливымъ, если къ ругательствамъ не присоединялись побои; а бѣдный Егоръ лучше-бы самъ со-

гласился вынести всякіе побои, нежели видѣть, что бьютъ его собаку.

Къ числу качествъ, какими отличалась Элиза, принадлежала необыкновенная граціозность тѣла и развязность движеній, по причинѣ которыхъ она была чрезвычайно способна къ танцованью. И она очень прилежно училась этому искусству; а съ помощью своей любезности, веселаго нрава и необыкновеннаго умѣнья нравиться, удачно скрывала въ свѣтѣ недостатки своего характера. Случалось-ли ей быть гдѣ нибудь на балѣ, то на нее обращалось общее вниманіе, со всѣхъ сторонъ ее осыпали ласками и привѣтствіями, и между тѣмъ какъ все это до чрезвычайности льстило ея суетности, она понимала однакожь, что какъ-бы ни были велики преимущества, дарованныя человѣку природой или случаемъ, но все-таки величайшее благо въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть отъ всѣхъ уважаемымъ и любимымъ.

Въ одномъ изъ этихъ блестящихъ обществъ, куда Элиза пріѣхала вмѣстѣ съ братомъ и отцомъ, она разсердилась на Гейнриха, за какую-то неловкость въ танцахъ, и увидя, послѣ кадрили, что онъ вышелъ въ боковую комнату, бросилась за нимъ съ такой запальчивостью, что наткнулась на какую-то мебель и сильно ушибла колѣно; однакожь притворилась будто не чувствуетъ ни малѣйшей боли, и продолжала танцовать во всю ночь.

Вставши на слѣдующее утро, она почувствовала, что боль у ней въ ногѣ усилилась; но думая, что это недолго продолжится, скоро пройдетъ, все-таки скрывала отъ отца. Наконецъ, при ея постоянномъ усиліи — утаить свое приключеніе, боль въ ногѣ усилилась до того, что она стала хромать, и когда отецъ замѣтилъ это, вынуждена была во всемъ сознаться. Призвали лекаря, который осмотрѣвъ ногу, объявилъ, что болячка очень запущена и леченіе необходимо протянется долго. Такой приговоръ былъ хуже громоваго удара для бѣдной Элизы. Она была приглашена на множество баловъ! Сколькихъ наслажденій ей приходится теперь лишиться! И къ величайшей ея горести, еще никогда она не получала такого множества приглашеній вдругъ. Все, казалось, соединилось, чтобы наказать ее за вспылчивость; болѣзнь до того усилилась, что она бѣдняжка вынуждена была слечь въ постелю и большую часть дня проводить одна въ своей комнатѣ.

Находясь въ такомъ грустномъ отчужденіи, Элиза поняла, что только кротость и доброта пріобрѣтаютъ намъ друзей. Никто изъ слугъ, такъ часто подвергавшихся ея суровости, не дѣлалъ ничего болѣе того, сколько былъ въ точности обязанъ дѣлать; всѣ радовались, что наконецъ освободились отъ ея надзора; никто не думалъ доставить ей какое-нибудь развлеченіе, даже братъ неохотно приходилъ къ

ней, опасаясь подвергнуться несноснымъ порывамъ ея вспыльчивости. Только добрый старикъ Егоръ, который нашивалъ ее маленькую на рукахъ, не могъ противостоять желанію узнать объ ея здоровьѣ. Въ это время страданія ея достигли высшей степени; она вполнѣ предавалась горести своей, и изъ прекрасныхъ глазокъ ея лились потокомъ слезы.

— Прошу покорнѣйше простить меня, сударыня барышня, сказалъ Егоръ, осторожно отворяя дверь; но я не могъ дольше вытерпѣть, чтобы не высказать вамъ, какъ горько принимаю къ сердцу несчастіе ваше. Матушка, сударыня, никакъ вы очень больны?

«Очень, очень, мой добрый Егоръ! отвѣчала Элиза такимъ ласковымъ голосомъ, котораго старику никогда отъ нея не случалось слышать, такъ что онъ былъ и обрадованъ и удивленъ.

«Во всемъ домѣ, продолжала она, ты первый обнаруживаешь участіе къ моимъ страданіямъ!»

— Барышня, отвѣчалъ Егоръ съ своей обыкновенной откровенностью, это отъ того, что всѣ люди въ цѣломъ домѣ боятся вашей милости. Я самъ не безъ страху таки осмѣлился взойти къ вамъ.

«Да, это правда, я поступала съ ними со всѣми дурно, но я твердо рѣшилась загладить мою несправедливость.»

— А въ доказательство того, что я не переставалъ объ васъ думать, сказалъ Егоръ, я пришелъ нарочно за тѣмъ, чтобы вылечить васъ. Если вы положитесь на меня, то я въ недѣлю поставлю васъ на ноги, и вы можете ѣхать на любой балъ.

« Въ недѣлю? вскичала обрадованная и удивленная Элиза. Добрый, любезный, честный Егоръ, какъ я тебѣ буду благодарна!

— Средство мое самое простое; я испыталъ его на себѣ, прошлой зимою, когда порѣзалъ себѣ руку.

« А какое это средство? я хочу сей часъ-же употребить его!

— Я заставилъ вѣрнаго Карро, отвѣчалъ старикъ, внимательно глядя на Элизу, лизать мою рану, и дня въ три она совсѣмъ зажила. Но вамъ, барышня, можетъ быть это не будетъ угодно; бѣдная собака такая нечистая, притомъ-же вы, барышня, изволили кой-когда и бить ее, я боюсь... у этихъ тварей память очень хороша.

« Что за дѣло до этого, живо отвѣчала Элиза, приведи ее сюда; я такъ приласкаю ее, такъ хорошо накормлю, что она, безъ сомнѣнія, забудетъ зло.

Егоръ повиновался; онъ отворилъ дверь въ переднюю, гдѣ вѣрная собака ждала его съ нетерпѣ-

ніемъ; но едва Егоръ указалъ ей на Элизину дверь, приказывая идти туда, бѣдное животное, поджавши хвостъ, бросилось внизъ по лѣсницѣ и убѣжало спрятаться въ самомъ темномъ углу Егорова жилища. Старый садовникъ принужденъ былъ насильно притащить ее въ Элизину комнату. Но Элиза принялась ласкать ее, кормить разными сластями и, наконецъ, указала на больное мѣсто, давая этимъ чувствовать, что ожидаетъ отъ нея той-же услуги, какую она оказала своему хозяину.

Бѣдная собака, которую природа, кажется, за тѣмъ только и создала, чтобы за зло платить добромъ, принялась, хотя дрожа всѣмъ тѣломъ, лизать показанную ей рану. Она часто повторяла свое леченіе и нога у Элизы выздоровѣла менѣе, нежели въ недѣлю. Съ тѣхъ поръ Элиза очень полюбила добрую собаку и всячески старалась заставить ее забыть свое прежнее дурное съ ней обращеніе.

— Я на опытѣ узнала, говорила она по выздоровленіи брату своему, что не должно небрежно обращаться даже съ самой незначительной тварью, и что не рѣдко самыя безобразныя изъ нихъ могутъ быть одарены прекрасными качествами, могутъ оказывать полезнѣйшія услуги.

На приложенной къ Марту мѣсяцу картинкѣ, мы видимъ какъ Элиза сажаетъ деревцо для воспоми-

нанія о такомъ поучительномъ приключеніи своего дѣтства. Помирившійся съ нею братъ держитъ деревцо въ прямомъ положеніи, между тѣмъ какъ она, съ помощію стараго Егора, засыпаетъ землею корни, и вѣрный Карро весело на нихъ поглядываетъ, чуя наступленіе счастливыхъ дней.

—⁂—

Апрѣль.

IV.

Апрѣль.

Въ этомъ мѣсяцѣ природа каждодневно является съ новыми прелестями; деревья покрываются почками, луга зеленью и цвѣтами. Воздухъ теплъ, но еще не жарокъ, всѣ выходятъ гулять, вездѣ вынимаютъ окна. Птицы вьютъ гнѣзда, высиживаютъ дѣтенышей; прилетаетъ ласточка и въ лѣсахъ появляется вѣщунья кукушка. Къ концу Апрѣля оживляется царство насѣкомыхъ; начинаютъ показываться красивыя бабочки; цвѣтутъ незабудки. Апрѣля 1-го солнце восходитъ въ 5 часовъ 41 минуту утромъ, садится въ 6 часовъ 19 минутъ вечеромъ. Въ этомъ мѣсяцѣ иногда случаются еще вѣтряные, холодные дни, напоминающіе о зимѣ, такъ недавно прошедшей; но за этой погодой быстро слѣдуютъ теплые дни.

Ласточки,

предвѣстницы весны.

Г. Шварцъ, почтенный учитель, имѣлъ въ сосѣдствѣ отъ города, гдѣ жилъ по обязанности, не большой домикъ, съ которымъ было соединено довольно значительное хозяйство. Г. Шварцъ, другъ порядка и бережливости, имѣлъ, при помощи этого домика, возможность отдыхать отъ трудовъ своихъ по должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывать свои ученыя теоріи на поприщѣ сельскаго хозяйства. Однажды, именно въ Апрѣлѣ, Г. Шварцъ привезъ съ собою въ этотъ загородный домикъ дѣтей своихъ Розу и Ромуальда, въ награду за то, что они были очень прилежны и хорошо вели себя.

Роза, чрезвычайно добродушное и всѣми любимое дитя, была до крайности обрадована, увидя, что ея любимая курица вывела пятерыхъ прехорошенькихъ цыпленочковъ. На приложенной къ Апрѣлю картинкѣ мы видимъ, какъ Роза кормитъ своихъ маленькихъ любимцевъ.

Накормивши цыплятъ, дѣти пошли домой; вдругъ Ромуальдъ вскричалъ со свойственной ему живостью.

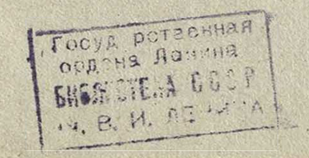
— Смотри, сестра, вотъ первая пара ласточекъ! какъ папенька будетъ радъ имъ.

Отецъ, который сидѣлъ у окна и слышалъ возгласъ Ромуальда, выглянулъ въ окно и сказалъ: эти ласточки принадлежатъ не къ той породѣ, которая появится не далѣе какъ черезъ недѣлю, займетъ опять свои старыя гнѣзда подъ кровлей и проживетъ съ нами все лѣто. Эти птички, которыхъ ты теперь видѣлъ, называются по просту Стрижами, которые прогостятъ у насъ не болѣе двухъ трехъ часовъ и улетятъ далѣе, на сѣверъ.

— А сколько-же есть породъ ласточекъ? спросилъ Ромуальдъ.

« Вообще ихъ *тридцать восемь*, отвѣчалъ отецъ; но во всей Европѣ находится только восемь породъ, а у насъ только двѣ, именно домашнія ласточки и стрижи.

Ласточки отличаются отъ всѣхъ другихъ птицъ своей формой и образомъ жизни. Онѣ имѣютъ огромный зѣвъ, чрезвычайно большія крылья и хвостъ очень длинный и широкій; при такомъ устройствѣ, имѣя еще и тѣло необыкновенно малое и легкое, онѣ превосходно летаютъ и, соотвѣтственно назначенію своему, на лету добываютъ себѣ пищу, состо-

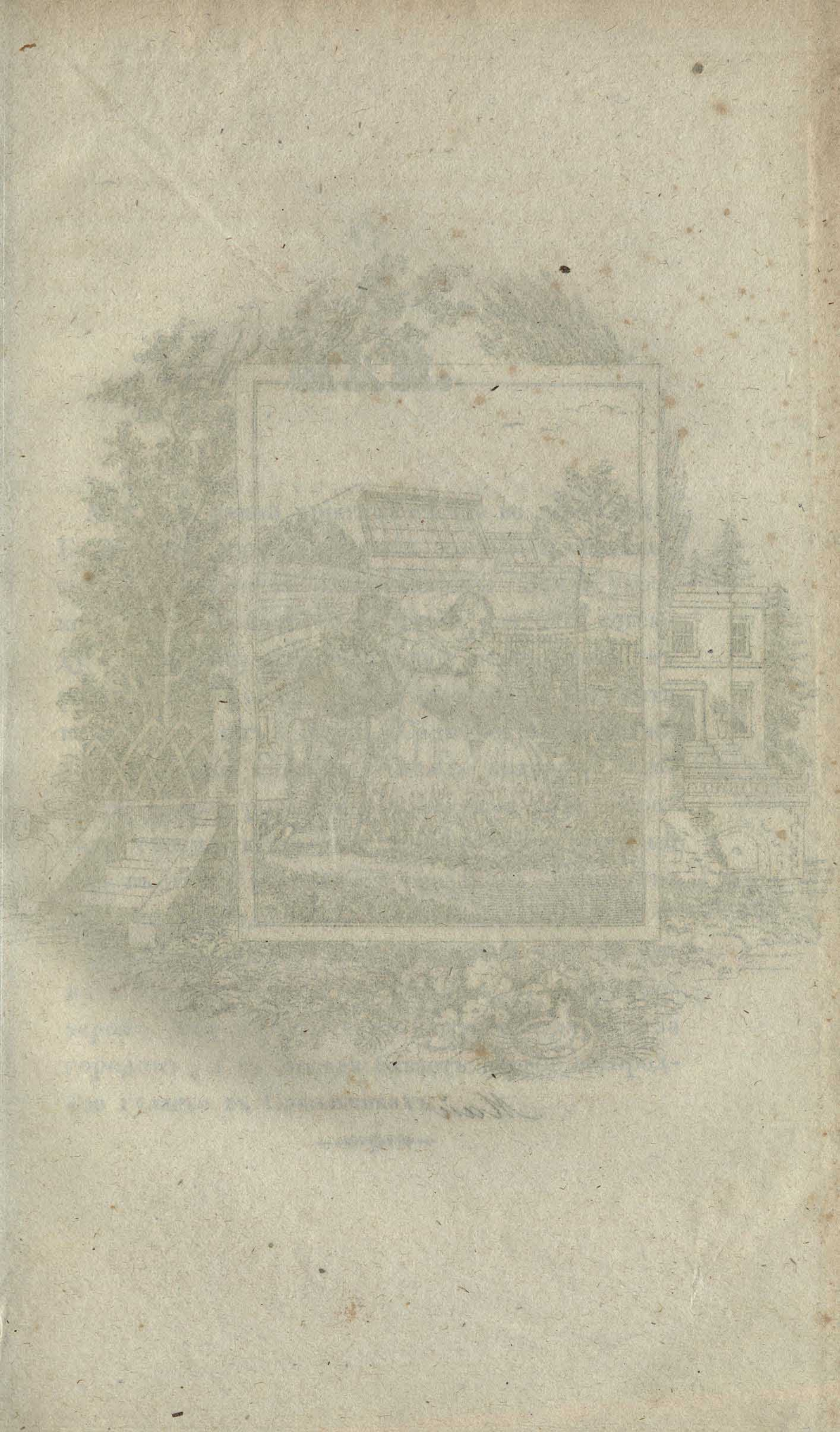

ящую изъ мухъ и всякаго рода насѣкомыхъ. Въ нашихъ странахъ нѣтъ ни одной птицы, которая могла-бы состязаться съ ласточкой въ быстротѣ полета; вся ихъ жизнь состоитъ въ летанiи почти безпрерывномъ; стрѣлою разсѣкаютъ онѣ воздухъ, то теряются въ облакахъ, то несутся вплоть надъ самой землей, то скользятъ поверхъ воды, бороздя ее крыльями. Для ходьбы ноги у нихъ не годятся.

Не льзя повѣрить какое множество насѣкомыхъ истребляетъ каждая ласточка ежедневно. Самка, имѣющая дѣтенышей, возвращается въ теченiи дня болѣе ста разъ къ гнѣзду, и каждый разъ приноситъ съ собою болѣе тридцати или сорока насѣкомыхъ.

Ласточки прилетаютъ весною изъ Африки, а осенью опять туда возвращаются. Тамъ онѣ живутъ только гостями, не вьютъ гнѣздъ, не выводятъ дѣтей.

При этихъ путешествiяхъ туда и сюда, особеннаго удивленiя заслуживаетъ инстинктъ, съ какимъ онѣ умѣютъ узнать точное время для отлета. Онѣ собираются толпою изъ всѣхъ окрестностей, какъ будто на совѣщанiе; дѣйствуютъ единодушно, иногда въ теченiе одного только часа рѣшаютъ летѣть-ли имъ, и вдругъ изчезаютъ.

Май

V.

Май.

Май есть самый пріятный мѣсяцъ во всемъ году. Въ Маѣ всѣ деревья покрыты зеленью и цвѣтами, воздухъ наполненъ благоуханіемъ. Земля украшена безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ; повсюду слышно неумолкаемое пѣніе птицъ, вечеромъ разливается соловей, кричитъ перепелка. Всѣ почти птицы выводятъ дѣтей. Сады покрыты разнообразнѣйшими цвѣтами, между которыми красуется во всей роскоши и прелестная роза. Горожане стремятся на дачи и на гулянья. Каждый день въ этомъ мѣсяцѣ есть праздникъ, пиршество для всей природы.

Мая 1-го солнце восходитъ въ 4 часа 48 минутъ утромъ, садится въ 7 часовъ 14 минутъ вечеромъ. Мая перваго вездѣ почти празднуется за городомъ, а въ Москвѣ бываетъ первое загородное гулянье въ Сокольникахъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

1. ИСТИННОЕ БОГАТСТВО РОДИТЕЛЕЙ.

Г. Зонненбергъ слылъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Вѣнѣ, но лучшимъ сокровищемъ своимъ онъ считалъ своихъ дѣтей *Юлія* и *Берту*, и такъ думали объ нихъ не только родители ихъ, но и всѣ знакомые, замѣчавшіе въ природной добротѣ сердца этихъ дѣтей основаніе ихъ будущаго благополучія. Человѣкъ родится ни добръ, ни золъ, и такъ какъ первое, начальное воспитаніе утверждаетъ на всю жизнь направленіе его нравственныхъ свойствъ, то въ этомъ отношеніи Г. и Г-жа Зонненбергъ заслуживали особеннаго уваженія, содѣлавъ сердца дѣтей своихъ доступными единственно добрымъ впечатлѣніямъ. Главное правило родителя, человѣка съ важнымъ и твердымъ характеромъ, заключалось въ томъ, чтобы воспитывать дѣтей своихъ по заповѣдямъ христіанской любви, и безпрестанно внушать имъ наставленіе: «*Твори ближнему своему только то,*

« *чего желаешь самому себѣ.* » Кроткая-же родительница не столько словами, какъ собственнымъ примѣромъ научала дѣтей познавать сладость добрыхъ дѣлъ. Зная, что тамъ, гдѣ царствуетъ душевная радость, никогда не родится зло, она всячески старалась не нарушать веселости дѣтей своихъ принужденіемъ или мрачными представленіями; напротивъ она изыскивала всѣ способы, содѣйствовать благополучному ихъ состоянію, умножать невинныя утѣхи ихъ, и впечатлѣніями чистаго удовольствія дать образованіе ихъ нѣжнымъ сердцамъ. Будучи набожною, она хорошо знала, что безъ истинной вѣры человѣкъ не можетъ достигнуть счастья ни въ семъ мірѣ, ни за предѣлами онаго, что безъ этой утѣшительницы смертныхъ благополучіе не преуспѣваетъ, въ несчастіи-же зло не предотвращается. Основное правило святой вѣры — *любовь* и *терпѣніе* — она съ нѣжнѣйшаго возраста поселила въ душахъ дѣтей своихъ и научила ихъ болѣе всего презирать лицемѣріе и надменность, а болѣе всего любить непритворную, кроткую доброту и смиреніе. Такое воспитаніе было причиною, что въ обширной столицѣ не было лучше, богобоязненнѣе дѣтей, какъ наши *Юлій* и *Берта*.

2. Приглашеніе въ деревню.

Когда послѣ грустной зимы явилась улыбающаяся весна, то все семейство Г. Зонненберга, а въ осо-

бенности дѣти, почувствовали сильное влеченіе насладиться въ деревнѣ удовольствіями возраждающейся природы. Уже года два сбирались они, чтобы провести нѣсколько недѣль у сестры, бывшей за мужемъ за полковникомъ фонъ Доннершильдомъ и жившей съ своимъ супругомъ въ деревнѣ за нѣсколько миль отъ Вѣны, но до сего времени Г. Зонненбергъ не имѣлъ возможности исполнить желаніе своей супруги и дѣтей. Наконецъ, побуждаемый письмами сестры и убѣдительными приглашеніями полковника, рѣшился онъ по крайней мѣрѣ жену свою съ дѣтьми отпустить къ нимъ на нѣсколько недѣль, съ тѣмъ, чтобы потомъ самому, отпросясь на короткое время, пріѣхать за ними. Узнавъ о намѣреніи отца, Юлій и Берта были внѣ себя отъ радости. Тутъ-то поднялась бѣготня по всему дому; вопросамъ не было конца; только и слышны были разсказы о томъ, какъ они намѣрены проводить свое время и чѣмъ будутъ заниматься въ деревнѣ; — но вотъ коляска уже подана къ крыльцу и мать и дѣти, сопутствуемыя благословеніями отца, отправились по длинному мосту, ведущему чрезъ Дунай, въ помѣстье полковника, обворожительное Шёнталь.

3. ПОЛКОВНИКЪ Ф. ДОННЕРШИЛЬДЪ.

Между тѣмъ какъ дѣти осыпаютъ милую маменьку своими вопросами и изображаютъ прелестными чертами новый образъ жизни, — познакомимъ васъ

съ Полковникомъ Доннершильдомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ благороднымъ людямъ, въ коихъ сила характера и доброта сердца торжествуютъ надъ бременемъ лѣтъ. Полковникъ сорокъ лѣтъ своей жизни принесъ на службу отечества, испыталъ немало огорченій и напослѣдокъ отъ ранъ и преклонности лѣтъ не имѣя возможности продолжать службу, вышелъ съ честію въ отставку. Долговременная военная жизнь не могла не оставить впечатлѣнія и на его наружности; будучи въ душѣ добрѣйшимъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ, при первомъ взглядѣ онъ казался грубымъ, даже нѣсколько жестокимъ, и нерѣдко на самомъ дѣлѣ соотвѣтствовалъ своему прозванію «Доннершильдъ;» (*) ибо когда онъ сердился, то голосъ его, сходствовалъ съ раскатами грома. Какъ старой служивый любилъ онъ болѣе всего опрятность, точность, повиновеніе. Слуги боялись его какъ господина, но любили какъ отца. Супруга его, была точное подобіе сестры своей, г-жи Зонненбергъ, добра, великодушна, и снизходительна. Въ назначенный г-жею Зонненбергъ къ пріѣзду день, она неотходила отъ окна, желая прежде всѣхъ увидѣть своихъ родныхъ. Вдругъ по дорогѣ поднялись облака пыли, а потомъ показалась и коляска, и Г-жа Доннершильдъ вскричала супругу своему: «это они, это они!» и побѣжала на

(*) Доннершильдъ — громовой, громоносный щитъ.

встрѣчу къ милымъ ея сердцу; безпрестанно обнимала любезную сестру безпрестанно цѣловала прелестныхъ ея дѣтей. Съ ея нѣжнымъ голосомъ, сливался басистый голосъ подошедшаго къ нимъ полковника: «Браво, браво! вотъ что называется сдержать слово! милости просимъ, милая невѣстка! здравствуйте малютки!

4. Бѣдная садовница.

Наши горожане пріѣхали къ полковнику въ пять часовъ послѣ обѣда. Немедленно пригласили ихъ пройтиться въ садъ, гдѣ небольшой полдникъ уже готовъ былъ утолить голодъ и подкрѣпить силы уставшихъ отъ продолжительной дороги. Счастливцы помѣстились подъ тѣнію деревъ, составившихъ собою родъ бесѣдки. Прелестнѣйшій майскій день освѣщалъ сцену родственнаго свиданія; безчисленное множество цвѣтовъ разливали благоуханіе; на деревьяхъ, красовавшихся въ полномъ цвѣтѣ, раздавались хоры крылатыхъ пѣвцевъ; бабочки кружились въ воздухѣ. *Юлій* и *Берта* съ позволенія маменьки пошли осмотрѣть садъ, который былъ расположенъ хотя въ старинномъ Французскомъ видѣ, но однообразіе онаго уменшалось множествомъ цвѣтниковъ. Представьте себѣ теперь двухъ юныхъ жителей столицы, послѣ продолжительной зимы, послѣ безжизненнаго шума пышной городской

жизни, какъ будто-бы волшебствомъ внезапно перенесенныхъ въ рай и попирающихъ ногами своими благоухающіе ковры, разостланные цвѣтущею природою! Берта большая охотница до цвѣтовъ, едва могла придти въ себя отъ удивленія, любуясь множествомъ тюльпановъ, гіацинтовъ и раннихъ розъ.

Вдругъ, посреди красующихся цвѣтовъ, при привѣтномъ блескѣ солнца, изливающаго пріятную теплоту, представился взорамъ ихъ печальный предметъ — бѣдноодѣтая женщина, которая выпалывая въ цвѣтникѣ негодную траву, заливалась слезами. Видъ этой женщины чувствительно тронулъ добрыхъ дѣтей. Не мѣшкая, подбѣжали они къ плачущей и начали распрашивать ее, что съ ней сдѣлалось? что заставляетъ ее, при общей радости во всей природѣ, проливать столь горькія слезы. — «Любезный баринъ!» сказала эта женщина на распросы Юлія, «какъ мнѣ не плакать, бѣдный мужъ мой, садовникъ вашего дяденьки, лежитъ болѣнъ лихорадкою, и въ такую пору, когда болѣе всего надобно работать въ саду! До чего мы дожили, бѣдные! мы должны лишиться мѣста!»

Берта. Не огорчайся, голубушка! дяденька невзыщетъ, что мужъ твой по болѣзни не въ силахъ работать.

Садовница. Милая барышня! дяденька вашъ очень

строгъ во всемъ, что касается до должности; къ тому-же мужъ мой только съ новаго года нанялся къ нему, и дяденька вашъ по справедливости останется недоволенъ нами. Ахъ! я смертельно боюсь и не знаю какъ доложить ему, что мужъ мой не можетъ работать. Пока еще силы станетъ, то все буду сама дѣлать, только-бы не огорчить барина. Вотъ ужь солнышко хочетъ садиться! посмотрите-ка сколько цвѣтниковъ! ихъ непремѣнно надобно полить, а я боюсь, что не смогу всѣхъ ихъ полить. Дѣти ту-же минуту схватили лейки, побѣжали за водою на прудъ, находившійся на нѣсколько шаговъ отъ этого мѣста, и въ запуски начали поливать тюльпаны. Напрасно упрашивала ихъ садовница, страшившаяся сугубыхъ выговоровъ; но Берта просила ее столь убѣдительно, чтобъ она не мѣшала ей, а лучше-бы шла къ своему больному, что опечаленная женщина согласилась принять это пособіе, опасаясь, чтобы не причинить огорченія доброму и сострадательному сердцу Берты.

5. Открытіе.

Между тѣмъ долгое невозвращеніе дѣтей начало безпокоить г-жу Зонненбергъ. Сопровождаемая сестрою и полковникомъ пошла она по саду, и испугалась, увидѣвъ малютокъ, на коихъ платье было мокрехонько, разгорѣвшихся въ лицѣ, съ трудомъ

таскающихъ тяжелыя лейки и изобильно поливающихъ цвѣтники. «Кой чортъ! что вы тутъ дѣлаете!» вскричалъ громкимъ голосомъ изумленный ихъ дядя. Въ первыя минуты дѣти такъ испугались, что лейки выпали у нихъ изъ рукъ. Но какъ дѣти были пріучены говорить всегда откровенно и справедливо, то Берта бросилась къ маменькѣ своей, а Юлій подбѣжалъ прямо къ дядѣ. «Миленкій дяденька!» сказалъ онъ, ласкаясь къ нему, «мы поливали вотъ эти красивые цвѣточки. Бѣдный садовникъ болѣнъ, а жена его боится, что вы станете сердиться. Голубчикъ, миленькій дяденька! мы васъ просимъ, не сердитесь на бѣдняжку,» подхватила Берта, «мамаша и ты попросишь съ нами за него?»

«Ну,» сказалъ полковникъ, «вы такъ убѣдительно просите меня, будто-бы я былъ какой либо варваръ! конечно, я строго поступаю съ моими людьми, если они не исполняютъ должности по нерадѣнію; но больной всегда долженъ быть увѣренъ не только въ моемъ снизхожденіи, но и въ помощи.»

Тутъ кроткая Берта разсказала съ пріятною непринужденностію, какъ бѣдная садовница боялась строгаго дяденьки, какъ она горько плакала.

«Вотъ она куда запряталась!» вскричалъ Юлій, замѣтившій ее своимъ соколинымъ взлядомъ въ гу-

стотѣ кустовъ, гдѣ она полола траву; онъ побѣжалъ привести ее къ дядюшкѣ, чтобы она изъ устъ самаго добраго господина услышала утѣшительныя слова.

«Ты не хорошо сдѣлала, сказалъ полковникъ отрывистымъ голосомъ, который тѣмъ суровѣе отзывался, чѣмъ благодѣтельнѣйшее намѣреніе было у него въ душѣ, — очень не хорошо, что не сказала мнѣ ни слова о болѣзни твоего мужа! Жена должна имѣть попеченіе о больномъ мужѣ. Ступай сію минуту домой! я велю нанять поденщиковъ поливать гряды и цвѣтники, а тебя чтобъ я не видалъ въ саду, покуда мужъ твой не выздоровѣетъ.»

«Пойдемте,» сказалъ онъ малюткамъ, посмотримъ сами нашего больнаго. Милыя дѣти! вы прекрасно поступили, принявъ участіе въ страждущемъ. Эта черта вашего нрава снискала вамъ мою совершенную любовь, потому что сердце, состраждущее къ несчастію и желающее облегчить его собственнымъ пожертвованіемъ, отверзто для всѣхъ добродѣтелей. Съ сихъ поръ оба эти цвѣтника съ тюльпанами, въ память такой сердечной доброты, пусть называются вашими именами и принадлежатъ вамъ.

Малютки громкими восклицаніями изъявляли радость свою, ласкали и цѣловали добраго дядюшку, при чемъ Берта сказала: «если такъ, то теперь

мы, пока прогостимъ здѣсь, уже сами будемъ ухаживать за ними, станемъ поливать ихъ чаще и выполемъ всю негодную траву.

«Это вамъ позволяется,» сказала съ усмѣшкою ихъ тётка, «я велю приготовить вамъ маленькія лейки, грабли и пару красивенькихъ заступовъ.»

—⁂—

VI.

ІЮНЬ.

Въ этомъ мѣсяцѣ обыкновенно наслаждаемся мы пріятнѣйшей погодой. Ужъ и прежде Мая вліяніе солнца, находящагося въ отвѣсномъ положеніи къ землѣ, препятствуетъ холоднымъ суровымъ вѣтрамъ: однако теплота въ воздухѣ рѣдко достигаетъ до тягостной степени жара. Привѣтливая липа находится въ полномъ цвѣтѣ, изливаетъ окрестъ себя благоуханіе, на поляхъ зрѣніе наше восхищается нѣжноголубымъ цвѣтомъ васильковъ; зрѣющія вишни и земляника манятъ вкусъ къ наслажденію; пашни, покрытыя хлѣбами, представляютъ видъ волнующагося моря, жужжаніе рѣзвыхъ бабочекъ раздается въ воздухѣ; даже небо принимаетъ участіе въ празднествѣ рожденія лѣта,

Іюнь.

бывающаго $\frac{8}{20}$ Іюня, и оно въ это время является въ прелестнѣйшемъ голубомъ одѣяніи.

Взоръ веселится роскошнымъ изобиліемъ розъ и другихъ цвѣтовъ; мѣстами уже собираютъ благословенные дары земли. Смородина, раннія груши, вишни, абрикосы уже поспѣваютъ въ это время; сѣнокосъ начинается; колосья желтѣютъ. — Тѣ изъ городскихъ жителей, которые могутъ нанимать дачи, живутъ за городомъ; больные для возстановленія здоровья, спѣшатъ къ цѣлительнымъ водамъ. Въ это время царствуетъ прелестное утро, пріятно прохладный вечеръ. $\frac{9}{21}$ Іюня, со вступленіемъ солнца въ знакъ Рака, бываетъ должайшій день и кратчайшая ночь; 1. Іюня новаго стиля, солнце восходитъ въ 4 ч. 13 мин., заходитъ въ 7-мь. 43 мин. На послѣднихъ дняхъ этого мѣсяца соловьи и другія пѣвчія птицы опять уже перестаютъ пѣть.

ПРЕРВАННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

РОЗЫ.

Чѣмъ дерзновеннѣе является порокъ, и чѣмъ безстыднѣе надѣется онъ на нѣкоторые успѣхи, кои конечно случайны и скоропреходящи, — тѣмъ необходимѣе должно ободрять добродѣтель примѣрами, словами и награжденіями. Хотя добродѣтель находитъ лучшую награду въ самой себѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получая извѣстность, скорѣе теряетъ, нежели пріобрѣтаетъ, однако удостоеніе ее общей похвалы имѣетъ хорошую сторону, ибо возбуждаетъ къ подражанію ей, и въ противоположность развращенности являетъ въ лучшемъ видѣ непорочность нравовъ. Такого ободренія особенно заслуживаютъ добродѣтели нѣжнаго пола, кругъ дѣйствій коего ограничивается домашними занятіями, и коего нравственныя преимущества, при столь чрезвычайномъ побужденіи къ поползновенію, не всегда бываютъ признаваемы достойнымъ образомъ, никогда не

пользуются всеобщею похвалою, которая вообще такъ удобно пріобрѣтается *мужчинами*. Однако-же нѣтъ ничего возвышеннѣе женской добродѣтели! Какія лишенія, какія ограниченія и пожертвованія во всякомъ состояніи вмѣняются въ непремѣнную обязанность слабаго пола! Мы мужчины награждаемся хвалою внѣшняго міра, мы дѣйствуемъ въ общественной жизни; но сколь великія жертвы приноситъ великодушная женщина своей совѣсти и своимъ обязанностямъ, и объ этихъ жертвахъ часто не знаютъ и самые близкіе къ ней!

По этой причинѣ весьма благотворно человѣколюбивое учрежденіе Австрійскаго правительства, въ силу коего, въ столицѣ и главнѣйшихъ городахъ государства, ежегодно раздаются награды дѣвушкамъ, коихъ нравственныя качества и безпорочное поведеніе, по надлежащемъ изслѣдованіи, будутъ признаны заслуживающими общее уваженіе. И такъ ежегодно можно читать въ журналахъ имена бѣдныхъ дѣвушекъ, кои предавъ себя исполненію священныхъ обязанностей, посрамляютъ богатыхъ, столь надменныхъ своею блистающею пышностію. Мы видимъ, что такихъ почетныхъ наградъ удостоиваются дочери, кои попеченію о лишенныхъ зрѣнія родителяхъ, нерѣдко также о безпомощныхъ братьяхъ и сестрахъ, пожертвовали всѣмъ благополучіемъ своей жизни; исполненію дѣтской или сестринской должности подчинили беззаботную будущность; ви-

димъ дочерей, которыя ограниченнымъ прибыткомъ, доставляемымъ ихъ слабыми руками, въ продолженіи многихъ лѣтъ, содержали своихъ родителей, братьевъ и сестеръ, ни мало не помышляя ни о какой наградѣ, кромѣ собственнаго самосознанія.

При чтеніи такихъ объявленій душевныя чувства мои всегда дѣлались возвышеннѣе, ибо я видѣлъ изъ этихъ объявленій, что въ низшихъ состояніяхъ есть еще добрые люди, что слово « *добродѣтель*» не содѣлалось еще пустымъ звукомъ; что адскому себялюбію не всегда удается подавить въ благородныхъ сердцахъ любовь и доброту. По этой-то причинѣ я всегда принималъ сердечное участіе въ такъ называемыхъ *праздникахъ розы;* и вотъ объ одномъ изъ нихъ хочу разсказать моимъ читателямъ.

Графиня N., вдова министра, оказавшаго важныя заслуги государству, удалилась въ свое прелестное помѣстье, находившееся въ Штиріи. Съ этого времени всю свою жизнь посвятила она воспитанію троихъ дѣтей, сына и двухъ дочерей. Дѣлать добро, утѣшать несчастныхъ и помогать имъ, было ея неусыпнымъ попеченіемъ. Зная, что безъ образованія ума и безъ добродѣтели не можетъ существовать истинное благополучіе, она употребила всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы поощрить крестьянскихъ дѣтей къ ученію. Уже гораздо прежде учредила она, чтобы 9 Іюня, въ день имянинъ старшей ея дочери Луизы, былъ торжествуемъ *праздникъ розы*, который, обы-

кновенно, приводило въ движенiе все помѣстье и былъ празднуемъ съ особенною пышностiю. Она установила, чтобы ежегодно та дѣвушка, которая предъ всѣми, въ принадлежащихъ къ ея помѣстью деревняхъ, отличится непомраченною чистотою поведенiя, любовiю къ своимъ родителямъ и добрыми свойствами сердца, была публично награждаема съ нѣкоторыми торжественными обрядами.

Въ этотъ день всѣ крестьяне собирались въ замокъ; празднество открывалось торжественнымъ шествiемъ въ церковь Графини съ дѣтьми и избранной дѣвушкой, удостоиваемой къ полученiю награды. Послѣ обѣдни всѣ крестьяне приходили въ залу замка, увѣшанную кругомъ вѣнками изъ розъ. Тутъ получала та дѣвушка присужденную награду. Графиня произносила къ ней и ея подругамъ слова, дышащiя материнскою любовiю; увѣщавала всѣхъ хранить неизмѣнно добродѣтель не для наружнаго вознагражденiя, которое она имъ раздавала, но для собственнаго ихъ счастiя; послѣ того дѣвушка, получившая награду, обѣдала вмѣстѣ съ Графинею. Послѣобѣденное время лучшiе по нравственнымъ свойствамъ молодые поселяне и поселянки, съ ихъ родными, плясали до вечера въ украшенной розами залѣ.

Прошлаго года, когда приближалось время праздника розы, желанiе насладиться прiятностями сельской жизни и дружеское приглашенiе Графини

пріѣхать къ ней на этотъ праздникъ, доставили мнѣ удовольствіе быть въ замкѣ этой почтенной дамы. Я пріѣхалъ туда дни за два до праздника, и немало восхищался приготовленіями къ этому торжеству, устанновленному съ такимъ добрымъ намѣреніемъ. Я срисовалъ прелестный видъ замка и тутъже помѣстилъ троихъ дѣтей Графини, вьющихъ вѣнки для украшенія залы замка; готовыя гирлянды изъ розъ уже развѣшаны кругомъ.

Графинѣ очень понравился мой очеркъ, а въ чертахъ дѣтей она даже нашла большое сходство и упросила меня отдать ей этотъ опытъ моего искусства въ рисованіи, себѣ-же оставить съ него копію.

«Посмотрите,» сказала она, обратившись къ окну, «вонъ ведутъ ко мнѣ дѣвушку, которая всѣми моими поселянами единогласно признана добродѣтельнѣйшею и лучшею изъ всѣхъ. Ее зовутъ Маргаритою; родители ея уже давно померли; въ продолженіи пяти лѣтъ всѣ выработываемыя ею тяжелыми трудами деньги предоставляетъ она своей сестрѣ, потерявшей зрѣніе. Десять лѣтъ прошло, какъ лишилась эта дѣвушка родителей, и во все время не перестаетъ подавать примѣръ благочестія и трудолюбія; наиболѣе-же заслуги ея возвышаетъ то, что она, дабы получить поболѣе жалованья, пять лѣтъ живетъ въ такомъ домѣ, гдѣ переноситъ съ достойнымъ удивленія терпѣніемъ всѣ недостатки,

въ особенности-же дурное обращеніе злобной хозяйки.

Маргарита была дѣвушка лѣтъ 18; ее ввели въ комнату сельскіе старшины, и великодушная Графиня приняла съ истинно-материнскою нѣжностію. Когда и я обратился къ ней съ похвалами, она отвѣчала: «наши почтенные старшины слишкомъ снизходительно судятъ обо мнѣ, бѣдной служанкѣ; повѣрьте, что въ нашей деревнѣ есть много дѣвушекъ, болѣе меня достойныхъ.» Тутъ сельскій судья разсказалъ о нѣкоторыхъ прекрасныхъ поступкахъ доброй Маргариты, и всѣ присутствовавшіе, какъ мужчины, такъ и женщины объявили, что во всемъ помѣстьѣ нѣтъ дѣвушки лучше и честнѣе Маргариты; нѣтъ, кромѣ ея, ни одной, трудолюбіе коей, поведеніе и непорочность нравовъ могли-бы они поставить лучшимъ примѣромъ къ подражанію своимъ собственнымъ дѣтямъ и родственникамъ.»

Но вскорѣ эта пріятная сцена была нарушена. Амтманъ въ сопровожденіи женщины, отвратительной наружности вошелъ въ замокъ; толпа съ почтеніемъ разступилась. Маргаритина хозяйка заговорили въ полголоса въ народѣ; Маргарита-же, стоявшая не подалеку отъ Графини, поблѣднѣла какъ полотно! «Вотъ она!» кричала, задыхаясь, женщина, тащившая впередъ сельскаго судью, «вотъ красавица, которую вздумали удостоить награды! Я по закону требую, возьмите ее

подъ караулъ.» Всеобщій крикъ негодованія раздался послѣ словъ этой женщины, прозывавшейся Грейфъ, и только присутствіе Графини и судьи удержали отъ брани, а можетъ быть и отъ драки.

«Какое имѣешь ты право поступать такимъ образомъ?» спросила въ изумленіи Графиня; «ты никакъ не въ полномъ умѣ! вспомни, гдѣ ты теперь!»

«Вотъ эта дѣвчонка, которую сельскіе старшины присуждаютъ наградить, — моя служанка, которую выставляютъ образцомъ добродѣтели.» — ««Ну, чтоже?»» спросила Графиня, на лицѣ коей изобразился гнѣвъ. — «Она, она воровка! да, да, воровка! Господинъ судья подтвердитъ это!»

«Боже мой!» вскричала Маргарита и упала безъ чувствъ на полъ.

«Не можетъ быть! это неправда!» сказали съ удивленіемъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ. «Чѣмъ это доказать можно?»

Судья вынулъ изъ кармана нѣсколько талеровъ и сказалъ: «два дня тому назадъ вотъ это самое количество денегъ было похищено у обвинительницы. Она изъявила самое сильное подозрѣніе на свою служанку; когда-же эта отлучилась со двора, то она, Грейфъ, настоятельно требовала сдѣлать обыскъ въ сундукѣ у Маргариты, — и эти талеры нашли тамъ; они были такъ искусно спрятаны, что почти примѣтить не льзя. Къ сожалѣнію, по законамъ,

кража такой суммы составляетъ важное уголовное преступленіе ! »

« Царь Небесный ! » вскричала Маргарита, пришедшая между тѣмъ въ чувство, « клянусь вамъ, что я невиновата въ этомъ ! »

« Весьма непріятное происшествіе ! » сказала Графиня. « Я непремѣнно должна добраться въ этомъ дѣлѣ до истины. Пусть пока докащица и отвѣтчица побудутъ въ замкѣ; вы-же, мой почтенный Амтманъ, безъ замедленія, сдѣлайте строжайшее изслѣдованіе. »

Послѣ сихъ словъ отпустила она поселянъ, провожавшихъ избранную къ наградѣ, и съ Графинею остались только Маргарита, утопающая въ слезахъ, докащица, судья и я.

Графиня отозвавъ судью, сказала ему. « Никакъ не могу повѣрить, чтобы добрая Маргарита была способна къ такому преступленію.

«Ступайте въ домъ этой Грейфъ, которую я между тѣмъ удержу здѣсь, и разыщите все тщательнѣйшимъ образомъ; почтенный Амтманъ, за ваши старанія будете вы награждены признательностію невинности, собственнымъ своимъ чувствомъ и моею радостію.» Амтманъ ушелъ; Графиня-же начала выспрашивать докащицу, увѣщавала ее и съ ласкою, и съ важностію, чтобъ она сказала истину. При томъ нельзя было безъ состраданія смотрѣть на положеніе бѣдной Маргариты. Сначала отъ внезап-

наго изумленія и страха, она смотрѣла неподвижными глазами и не произносила ни слова; потомъже, когда потоки слезъ нѣсколько облегчили скорбь ея, она обращалась то къ Графинѣ, то къ своей хозяйкѣ, заклиная ихъ быть правосудными къ ней несчастной. «Лишаясь добраго имени,» сказала она мнѣ, лишаюсь я всего.» — Дѣти Графини принимали живѣйшее участіе въ этой сценѣ; какъ умѣли, старались утѣшить бѣдную, обливающуюся слезами дѣвушку, а Луиза то и дѣло твердила: «не огорчайся, миленькая! маминька всегда мнѣ говоритъ: *Богъ защитникъ невинныхъ!* — Онъ защититъ и тебя.

Ничто не тронуло старуху Грейфъ; будучи глуха къ усовѣщиваніямъ Графини, она бросала на Маргариту ядовитые взоры и насмѣхалась надъ ея горестію.

Такъ прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ. Дѣти Графини съ боязливымъ нетерпѣніемъ смотрѣли въ окно на дворъ замка, и я уже начиналъ опасаться, что завтрашній день не будетъ праздника розы. Вдругъ вскричали дѣти: «Амтманнъ! Амтманнъ! И дѣйствительно увидѣли мы его, въ сопровожденіи присяжныхъ, ведущаго 17-ти лѣтнюю дочь Маргаритиной хозяйки. Едва старуха Грейфъ увидѣла дочь свою, входящую съ величайшимъ страхомъ во всѣхъ чертахъ лица и съ разстроеннымъ

взоромъ, въ то-же мгновенiе вся поблѣднѣла и затряслась какъ въ лихорадкѣ.

«Бѣдная Маргарита нимало не виновата!» сказалъ Амтманнъ. «Лизета созналась во всемъ. Когда взялъ я ее въ допросъ и при присяжныхъ объявилъ ей, что мать ея во всемъ призналась и задержана въ замкѣ подъ карауломъ; и что только чистосердечное объясненiе въ томъ, какъ случилось это происшествiе, можетъ облегчить ея вину, тогда она повинилась, что она сама, по наученiю матери, спрятала деньги въ незапертой Маргаритинъ сундукъ, съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы навлечь на нее подозрѣнiе въ кражѣ, и чтобы чрезъ то уничтожить выборъ ея къ награжденiю. «Ты дочь богатѣйшаго во всей деревнѣ крестьянина,» говорила ей мать, должна будешь унижаться передъ бѣдною служанкою и кланяться ей, какъ добродѣтельнѣйшей изъ всѣхъ. Тогда одураченные выборщики пусть устыдятся, когда Графиня будетъ имъ выговарить, что воровку выбрали въ царицы праздника.» Вотъ вся исторiя, а ты, голубушка Грейфъ! выбирай любое, либо проси у Ея Сiятельства помилованiя, либо, если осмѣлишься запираться, собирайся, до дальнѣйшаго изслѣдованiя, въ тюрьму.»

Съ воплемъ упала злобная женщина къ ногамъ Графини и, громко рыдая, присоединила Лизета свои просьбы къ просьбамъ матери, умоляя о помилованiи.

Графиня бросивъ строгій взоръ на виновныхъ, сказала Амтману: « не производите формально дальнѣйшаго изслѣдованія. Пусть эти злобныя твари будутъ наказаны дознанною невинностію бѣдной дѣвушки; пусть изъ этого научатся, что *бѣдность*, непричастная преступленію и обладающая добродѣтелію, возвышаетъ человѣка въ уваженіи другихъ болѣе, нежели всѣ богатства въ мірѣ, если владѣющій ими порошенъ.

« Я хочу, чтобъ завтрашній праздникъ розы былъ въ моемъ замкѣ самый торжественнѣйшій! — бѣдная-же Маргарита останется нянею у моей младшей дочери. Я велю ее обучить, чтобъ она была искусна въ женскомъ рукодѣліи, дабы чрезъ то могла надѣяться на лучшую будущность. »

Іюль.

VII.

ІЮЛЬ.

Въ этомъ мѣсяцѣ солнце достигаетъ высшей точки своего пути, что и производитъ въ это время сильнѣйшіе въ году жары. Природа, столь неистощимая въ средствахъ, дабы каждое время года содѣлать пріятнымъ, низпосылаетъ человѣку въ этомъ мѣсяцѣ множество прохладительныхъ плодовъ: въ первой половинѣ его поспѣваютъ малина, клубника, вишни; въ послѣдней абрикосы, сливы и дыни. Земля безмездно предлагаетъ для всѣхъ трапезу свою и щедрою рукою раздаетъ драгоцѣнные свои плоды. Для поселянъ наступаетъ время жатвы; миловидныя гвоздики цвѣтутъ и наполняютъ воздухъ благоуханіемъ; рѣки и ручьи мелѣютъ; на поляхъ мало помалу начинаютъ убирать хлѣба; но ленъ утѣшаетъ взоры прелестною голубою краскою своихъ цвѣтовъ. Іюль по

всей справедливости называютъ мѣсяцемъ созрѣнія. Съ 23-го числа начинаются такъ называемые каникулярные, самые жаркіе дни въ году; тогда всюду роятся насѣкомые, все ими преисполнено и только рано утромъ, да въ прохладные вечерніе часы, можно найти отдохновеніе отъ нихъ. Стрижи уже начинаютъ отлетать въ теплѣйшіе климаты, а солнце, хотя почти и непримѣтно, еще съ 26-го Іюня начинаетъ совершать обратный путь. 1 Іюля оно всходитъ въ 4 ч. 5 м. по полуночи, а закатывается въ 7 ч. 55 м. по полудни, и въ послѣдній день Іюля оно освѣщаетъ насъ почти цѣлымъ часомъ меньше.

ДРУЗЬЯ ЮНОШЕСТВА

или

РЫБАКЪ и ПАСТУХЪ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ТРИДЦАТИ-ЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Подражаніе Цшокке.

1.

Въ Швейцаріи, въ Ваатскомъ кантонѣ, между высокихъ, утесистыхъ скалъ, въ глубокой долинѣ есть старинный, но впрочемъ порядочно выстроенный, городокъ Ла-Саррасъ. Жители его добродушной, веселой народъ. Они хотя не прославились ни своими богатствами, ни ученостію, ниже виноградниками, но за то, спросите любаго изъ ихъ сосѣдей, всякій вамъ скажетъ, что нѣтъ людей честнѣе и постояннѣе ихъ въ дружбѣ, и такое о себѣ мнѣніе они стараются доказать не только въ отношеніи къ постороннимъ, но и между собою, въ домашнемъ

быту. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующая повѣсть о двухъ мальчикахъ по имени: *Кюньи* и *Оливье*.

Кюньи былъ младшій сынъ одного бѣднаго поселянина, жившаго неподалеку отъ города въ хижинѣ, которая хотя и соломою была покрыта, но въ ней царствовала радость: тамъ всегда-бы нашли вы во всемъ наилучшій порядокъ, ничѣмъ ненарушаемое согласіе, самое неутомимое трудолюбіе, опрятность въ высшей степени; даже и самые малые въ семействѣ обязаны были трудиться, и тѣмъ, по силамъ своимъ, кое-что вырабатывая, помогать въ домашнихъ надобностяхъ.

Младшій изъ сыновей Кюньи былъ милый красивый мальчикъ, заслуживавшій общую любовь. Школьный учитель полагалъ въ немъ особенную надежду; никто изъ его учениковъ не писалъ такъ четко и красиво, какъ маленькій Кюньи; никто не умѣлъ читать такъ внятно и съ такимъ выраженіемъ; никто не умѣлъ такъ вѣрно и скоро считать, какъ маленькій Кюньи. «Ему-бы быть только пасторомъ!» часто говаривалъ онъ старому Кюньи; этотъ-же пожимая плечами, возражалъ: «мы бѣдны, чѣмъ намъ платить за ученье.»

Такимъ образомъ маленькій Кюньи долженъ былъ разстаться съ школою и приняться пасти козъ. Онъ былъ исправенъ въ своей должности; но конечно могъ-бы и лучше исполнять ее, если-бы она не по-

казалась ему слишкомъ скучна. Впрочемъ онъ всѣ мѣры употреблялъ сдѣлать ее для себя занимательною и пріятною.

Напримѣръ, долго, очень долго воображалъ онъ себя наставникомъ, а козъ своими учениками. Тутъ-то онъ выдумывалъ такія трогательныя поученія, какихъ никто и отъ роду не слыхивалъ; но напрасно истощалъ онъ свое краснорѣчіе предъ этими четвероногими учениками: они и не слушали его. Какъ на смѣхъ, чѣмъ ревностнѣе, чѣмъ сильнѣе нашъ юный ораторъ гремѣлъ противъ пороковъ вѣка, противъ обмановъ, воровства, грабежа, тѣмъ сильнѣе козы его предавались соблазнамъ, особенно когда онъ, желая испытать ихъ благочестіе и дѣйствіе своихъ наставленій, гонялъ ихъ по близости какого-либо сада или огорода. Несчастныя, коснѣющія въ языческой слѣпотѣ, разрушали заборы и изгороды, и до-чиста разграбляли чужую собственность.

Но вдругъ все для него перемѣнилось: одинъ изъ родственниковъ Кюньи, бывшій въ военной службѣ и уже дослужившійся до фельдфебеля, вышелъ въ отставку, возвратился на родину и всю зиму прожилъ въ домѣ Кюньи. Каждый вечеръ старый усачъ только и разговаривалъ, что о собственныхъ геройскихъ подвигахъ и о славныхъ дѣлахъ Маршала Гебріана, подъ начальствомъ котораго онъ сражался. Старый служака такъ живо разсказывалъ, что каждый какъ будто-бы собственными своими глаза-

ми видѣлъ и баталіи и героевъ, а пальба какъ будто отдавалась у всѣхъ въ ушахъ; при этомъ онъ чертилъ пальцемъ по столу боевой порядокъ.

Изъ всего семейства никто не былъ такъ внимателенъ къ его разсказамъ, какъ маленькій Кюньи; ни одно слово, ни одинъ боевый порядокъ, ни одно имя не ускользнуло изъ его памяти. Лишь наступила весна и его опять отправили пасти козъ, то онъ почелъ, что его назначили полководцемъ и тутъ-же на мѣстѣ собаку свою произвелъ въ Адьютанты. Выступивъ съ своимъ войскомъ въ походъ, онъ всюду одерживалъ побѣды. Уже завоевалъ онъ много долинъ, холмовъ и лѣсовъ, и, подобно Валленштейну, у него даже родилось желаніе поступать съ покоренными мѣстами, какъ съ своею собственностію, и провозгласить себя герцогомъ Ла-Саррасса.

2.

До сего времени Кюньи, при своихъ пастушескихъ занятіяхъ, былъ всегда предоставленъ самому себѣ. У него не было друга, которому могъ-бы онъ открыть чувствованія своего сердца или сообщить свои мысли. Страна, гдѣ пасъ онъ свое стадо, была столь уединенна, что онъ иногда много дней проводилъ, не встрѣтивъ ни одного человѣческаго существа.—Только тринадцати-лѣтній сынъ одного богатаго городскаго жителя часто хаживалъ неподалеку отъ

луговъ, гдѣ пасъ Кюньи свое стадо, ловить рыбу изъ протекавшаго тамъ ручья. Отецъ купилъ ему весь нужный для рыбной ловли снарядъ, и маленькій Оливье очень искусно умѣлъ ловить рыбу и удочкою и сѣтями. Не рѣдко обѣ его сестры приходили съ нимъ порадоваться изобильному лову, доставлявшему вкусный ужинъ ихъ родителю.

Тѣнистое дерево защищало нашего маленькаго рыбака отъ палящихъ лучей солнца, старшая его сестрица Марія вмѣстѣ съ нимъ тоже закидывала удочку, а малютка Эмилія хлопотала между тѣмъ около пойманныхъ рыбокъ и, къ сожалѣнію, очень не рѣдко нарушала молчаніе, первое условіе для того, кто хочетъ съ успѣхомъ ловить рыбу.

Кюньи часто любовался издали этою прелестною группою. Больше всего привлекалъ его Оливье, и ничего онъ такъ не желалъ, какъ познакомиться съ нимъ. Нечаянное обстоятельство исполнило желаніе молодаго пастуха. Однажды, неподалеку отъ Ла-Сарраса, у каменоломни сидѣлъ онъ на обломкѣ мрамора, и между тѣмъ какъ армія его, расположась лагеремъ, отдыхала, думалъ объ осадѣ и завоеваніи утесистой скалы, куда нѣкоторыя козы вскарабкались уже для рекогносцировки, какъ вдругъ на высотѣ этой скалы раздался голосъ какого-то мальчика, кричавшаго о помощи.

Въ ту-же минуту Кюньи рѣшился взять крѣпость штурмомъ и освободить плѣнника. Адьютантъ, лаемъ

своимъ собралъ все рогатое воинство; съ фланковъ взобрались на скалу, завоевали ее и подали помощь кричавшему.

Дѣло состояло въ томъ, что Оливье, кончивъ рыбную ловлю, послалъ сестеръ съ добычею домой, а самъ забрался на скалы, и не привыкши по нимъ лазить, заблудился въ горахъ. Желая сойти внизъ, онъ спускался все между утесовъ и скалъ до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ предъ собою ужасную пропасть и не зналъ куда идти.

Маленькій босоногій Фельдмаршалъ услужливо вызвался пособить ему; повелъ его черезъ утесы назадъ, и идучи впереди указывалъ ему гдѣ можно было ступить безопасно: наконецъ онъ благополучно довелъ его до мѣста, гдѣ горы образуютъ родъ площадки, а оттуда, безъ всякаго вреда, привелъ его и въ долины. Спасенный рыбакъ не зналъ какъ благодарить своего избавителя, и такимъ образомъ между юношами основалось дружество.

Кюньи разсказывалъ о своихъ сраженіяхъ, побѣдахъ и завоеваніяхъ; маленькому Оливье это полюбилось; съ того времени онъ иногда пренебрегалъ рыбною ловлей, и занималъ мѣсто въ арміи, которую Кюньи тотчасъ дѣлилъ на двѣ половины; самъ принималъ начальство надъ одною, а другую отдавалъ подъ начальство Оливье, который разыгрывалъ роль непріятеля. Оливье будучи отъ природы пылкаго нрава, почувствовалъ къ войнѣ и солдатской жизни

такую-же склонность, какъ и пастушекъ, и, не смотря на то, что они, предводительствуя своими войсками, бывали другъ другу врагами, дружба непримѣтно связала ихъ души неразрывнѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ между войною, и ссорами, и примиреніями прошло почти два года; уже лѣто и осень третьяго года пролетѣли, и вскорѣ зима должна была прекратить ихъ походы и воинскіе подвиги.

3.

Однажды, еще до зимы, Оливье, увидѣвшись по обыкновенію съ Кюньи, подсѣлъ къ нему и сказалъ: «Два года мы воевали съ козами; теперь-же дѣло ужь не до игрушекъ! Послушай, Кюньи, какую новость я тебѣ скажу! сего дня, по утру, папенька получилъ письмо отъ нашего дяденьки, который полковникомъ въ Императорской арміи; дяденька пишетъ, чтобъ весною прислать меня въ армію и меня опредѣлятъ корнетомъ. Вотъ, видишь-ли, весною мнѣ исполнится шестнадцать лѣтъ, и папенька не хочетъ, чтобъ я оставался долѣе въ Ла-Саррасѣ. Порадуйся со мною!

«Чему тутъ радоваться?» отвѣчалъ Кюньи, склонивъ печально голову.

Оливье. Какъ чему! Сперва послужу немного солдатомъ, а тутъ какъ разъ сдѣлаютъ меня корнетомъ,

потомъ поручикомъ. Теперь война. Я дослужусь до капитана, тамъ до полковника. Да, братъ, я покажу себя! — Да, ты чудеса услышишь обо мнѣ!

Кюньи. Вѣрю этому, радуюсь за тебя, но сердце такъ и разрывается; я сей часъ заплачу. Ты уѣдешь, я опять одинъ останусь. Съ кѣмъ тогда я стану проводить время, когда тебя не будетъ.

Оливье. И! полно, неплачь голубчикъ! Богъ дастъ, года черезъ два я пріѣду сюда, нарочно отпрошусь въ отпускъ. Тогда усы себѣ отрощу—сабля—шпоры—тутъ рубецъ, тутъ рубецъ—рука на перевязкѣ! тебѣ не узнать меня!

Кюньи. Вѣрю. А ты и подавно меня не узнаешь!— Какая нужда военному въ бѣдномъ пастухѣ? — Ты и не подумаешь обо мнѣ, ужь знаю на вѣрное.

Оливье. Нестыдно-ли тебѣ это говорить! Всѣмъ на свѣтѣ побожусь, что я хотя-бы Фельдмаршаломъ пріѣхалъ въ Ла-Саррасъ, прежде всего спрошу о тебѣ, также поцѣлую тебя съ тою-же любовію, какъ теперь тебя обнимаю. Клянусь тебѣ въ этомъ! Вотъ тебѣ правая моя рука! На, вотъ въ залогъ мой ножичекъ въ перламутровой оправѣ. Возми его! возми въ знакъ памяти.

Кюньи. Слыхалъ-ли ты, что не надобно другъ друга дарить ножами? Говорятъ отъ этого вся дружба пропадаетъ; я не вѣрю этому; возму отъ тебя ножичекъ и, если ты не захочешь, если погордишься

узнать меня, я покажу его тебѣ и скажу: Оливье! дружба наша кончилась!

Оливье. Тогда вонзи его мнѣ въ сердце. Однако, послушай, порадуйся! я вѣдь и о тебѣ думаю.

Кюньи. Ну, что такое?

Оливье. Видишь-ли что, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаюсь я капитаномъ, а можетъ быть чѣмъ нибудь и больше, и ворочусь опять въ Ла-Саррасъ, я тогда возму тебя въ армію.

Кюньи. Нѣтъ! лучше-же весною я съ тобой пойду, буду солдатомъ, въ пѣхотѣ-ли, въ конницѣ-ли, все равно. Ты черезъ случай будешь корнетомъ, а я хочу храбростью заслужить чинъ. Будь увѣренъ въ томъ! я точно хочу этого.

Оливье. Этого не льзя сдѣлать. Тебѣ всего на все пятнадцатой годъ, ты еще очень молодъ. Тебѣ еще не сдержать и ружья.

Кюньи. Такъ за то могу носить барабанъ! умѣю за лошадьми ходить. Могу быть конюхомъ

Оливье. Это негодится. Когда будешь конюхомъ, то тебѣ никогда не удастся быть въ сраженіи, негдѣ отличиться! Подожди лучше, когда я пріѣду сюда въ отпускъ и возму тебя съ собой. Тогда я тебя сей-же часъ сдѣлаю фельдфебелемъ;— ты славно пишешь, славно знаешь арифметику. Я найду гдѣ тебя помѣстить, буду просить о тебѣ полковаго командира. Не безпокойся!

Тутъ бѣдной Кюньи горько заплакалъ, и Оливье

стоило немалаго труда унять его. Кюньи-же поклялся, что онъ ни за что не останется болѣе пастухомъ, и пойдетъ весною въ солдаты.

4-е.

Но вышло не такъ, какъ наши друзья задумывали. *Кюньи* день отъ дня становился задумчивѣе и печальнѣе. Привѣтливыя утѣшительныя слова Оливье имѣли на него скоропреходящее вліяніе. Къ тому-же, въ это время померъ и старикъ Кюнье. Горесть маленькаго Кюньи была невыразима; онъ оплакалъ потерю своего отца, какъ истинно любящій сынъ. И вотъ, несчастный остался въ мірѣ совершеннымъ сиротою, остался одинъ одинехонекъ, остался предоставленымъ самому себѣ. Тотъ, у кого нанялся онъ пасти овецъ, былъ человѣкъ суровый. Бѣдный Кюньи не имѣлъ никого, кто могъ-бы утѣшить его въ горести; утѣшеніе себѣ находилъ онъ только въ надеждѣ, что другъ его, Оливье, не забудетъ его. Непорочность чувствъ сердца его питала эту надежду, но болѣе всего upованіе на Милосердаго Творца, Защитника сиротъ—подкрѣпляло его въ толь горестной долѣ.

Однажды, погруженный въ мечты, сидѣлъ онъ на склонѣ холма; вокругъ паслось стадо его; осенній вихрь бушевалъ въ лѣсу, лишенномъ листьевъ; внезапно Кюньи былъ пораженъ необычайнымъ лаемъ своей собаки. Сперва онъ почти не обратилъ на это

вниманія. Вѣрная его собака прибѣжала къ нему съ воемъ, вдругъ бросилась назадъ, потомъ опять прибѣжала. Это поразило Кюнье; онъ всталъ, прошелъ за собакою нѣсколько шаговъ, и что-же увидѣлъ? въ ущельи, между горъ, волкъ поймалъ одну изъ его козъ, разтерзалъ ее и началъ пожирать.

Въ одно мгновеніе Кюньи схватилъ свой посохъ и, сопровождаемый собакою, спрыгнулъ съ холма и бросился на похитителя. Волкъ въ испугѣ бросилъ свою добычу и убѣжалъ, но бѣдная козочка была уже умерщвлена и изтерзана. Ужасъ оковалъ всѣ чувства нашего пастушка, однако, вскорѣ образумясь, онъ взялъ ее на руки, потомъ видя, что бѣдное животное уже издохло, онъ прикрылъ его сухими листьями, вѣтками и каменьями; послѣ того спокойно возвратился къ своему стаду и пригналъ его домой въ обыкновенное время; но, по возвращеніи своемъ, одѣвшись въ лучшее свое платье, забралъ самонужнѣйшее, связалъ все въ узелокъ, и, боясь гнѣва своего хозяина, пошелъ куда глаза глядятъ.

Когда хозяинъ хватился, что нѣтъ одной козы, въ то время Кюньи уже далеко ушелъ за горы. Оливье, узнавъ о побѣгѣ друга своего, предался величайшей печали, и родные безполезно старались утѣшить его.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, крестьянинъ изъ Ромёнь-Мотье принесъ къ *Оливье* письмо. Кюньи писалъ ему о происшествіи съ раз-

терзанною козою, и потомъ, какъ онъ отчасти боясь наказанія, отчасти чувствуя отвращеніе отъ пастушеской жизни, рѣшился бѣжать и искать себѣ счастія.

«Не безпокойся обо мнѣ,» писалъ Кюньи, я не умру съ голода. Я умѣю кое-что работать. Ножикъ твой я взялъ съ собою, вѣчно буду беречь его. Онъ безпрестанно напоминаетъ мнѣ о тебѣ. Безъ слезъ никакъ не могу смотрѣть на него. Можетъ быть, мы увидимся гдѣ нибудь на войнѣ.»

Оливье отъ радости бѣгалъ какъ полоумный, всякому читалъ письмо милаго своего *Кюньи*, и безпрестанно прижималъ его къ сердцу. — Горесть его о потерѣ друга разсѣевалась приготовленіями къ отъѣзду, который долженъ былъ послѣдовать чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Надобно было ѣздить въ Роменъ-Мотье, Веве, Ніонъ прощаться съ родственниками, пріятелями ихъ семействами. Приготовляли къ поѣздкѣ необходимыя вещи и на святой Оливье отправился въ Германію.

5-е.

Молодой *Оливье*, душевныя свойства коего путешествіе усовершенствовало, нашелъ дядю своего въ Вѣнѣ, откуда отправились они вмѣстѣ въ Венгерскій лагерь, находившійся при Пресбургѣ. Тамъ Императорскія войска, подъ начальствомъ Фельдмаршала Гёца, сражались противъ Рагоцкаго, повели-

теля Седмиградскаго, возмутившаго половину Венгріи и соединившагося съ Шведами, коими предводительствовалъ храбрый Торстенсонъ. Почти каждый день происходили между враждующими кровавыя жестокія сшибки, нерѣдко доходило и до важныхъ сраженій. Оливье попалъ въ настоящую школу военнаго искусства. Сначала дядя имѣлъ нѣкоторое снисхожденіе къ нему, однако, мѣсяца черезъ четыре, заставилъ его уже самаго, какъ обыкновенно говаривалъ, «нанюхаться пороху;» и по окончаніи перваго похода Оливье дѣйствительно произвели въ Поручики, ибо онъ въ чинѣ Корнета въ различныхъ сраженіяхъ оказалъ столько мужества, даже иступленной храбрости, что сдѣлался любимцемъ всѣхъ солдатъ. Сначала они называли его молокососомъ, а потомъ прозвали чертенкомъ.

Небуду вамъ описывать шумной, бурной военной жизни молодаго *Оливье*, отличавшагося то въ Богеміи, то въ Силезіи, то въ Баваріи. Впрочемъ надобно сказать, что Швейцарецъ вездѣ поступалъ въ древнемъ рыцарскомъ духѣ; въ лагерѣ былъ онъ примѣромъ совершеннаго исполненія своихъ обязанностей, всегда умѣренъ, воздерженъ; въ битву стремился съ радостію и неустрашимостію; былъ строгъ къ своимъ подчиненнымъ, еще строже къ самому себѣ, къ начальникамъ исполненъ безусловнаго повиновенія.

Это много послужило къ его возвышенію. Его

перевели въ главный штабъ самаго предводителя арміи, и даже, по окончаніи 30-ти лѣтней войны, онъ продолжалъ службу въ императорскомъ войскѣ. Подъ начальствомъ графа Гацфельда былъ онъ въ походѣ въ Польшу противъ Шведовъ и тамъ, получивъ чинъ Капитана, командовалъ эскадрономъ тяжелой кавалеріи. Со всѣми своими однополчанами жилъ онъ въ наилучшемъ согласіи, и изъ нихъ каждый питалъ особенное уваженіе къ умному, храброму юношѣ.

6-е.

Оливье много лѣтъ провелъ въ такой безпрерывной дѣятельности, что не всегда могъ вспоминать о счастливыхъ лѣтахъ своего дѣтства, о рыбной ловлѣ на ручейкѣ своей родины и о играхъ съ милымъ Кюньи. Вдругъ получилъ онъ письмо отъ своихъ родителей, кои призывали его въ Ла Саррасъ, потому что сестра его Марія выходила за мужъ за одного Офицера, о которомъ родители его и сестра болѣе ничего не увѣдомляли, какъ только то, «что онъ найдетъ въ немъ себѣ хорошаго друга и товарища.»

Оливье, пріѣхавъ на послѣднюю станцію предъ Ла Саррасомъ, нашелъ тамъ, у почтоваго двора, свою родительницу и сестру, сопровождаемыхъ какимъ-то офицеромъ, и нарочно для встрѣчи его выѣхавшихъ за двѣ мили за Ла Саррасъ. Послѣ

пламенныхъ объятій нѣжной родительницы, поцѣлуевъ милой сестры, подошелъ къ нему женихъ Маріи. «Боже!» вскричалъ Оливье; «любезный Кюньи, «тебя-ли я вижу?»

«Да! отвѣчалъ *онъ*: это точно *я*!»

Молодые люди въ чрезмѣрномъ восхищеніи долго обнимались.

7-е.

Не прежде, какъ уже дома, могли они взирать другъ на друга спокойнѣе. Тогда-то между друзьями дѣтства не было конца вопросамъ. Оба не могли налюбоваться другъ на друга, дивясь какъ они выросли, похорошѣли, возмужали. Каждый хотѣлъ знать лѣта другаго. Это узнать было не трудно; цѣлыхъ десять лѣтъ прошло съ того времени, какъ сиживали они на берегу ручейка, ловя рыбу, и потомъ въ послѣдній разъ видѣлись у Касарраской каменоломни. *Оливье* долженъ былъ разсказывать всѣ свои похожденія со всею подробностію.

Напослѣдокъ и *Кюньи* разсказалъ свою исторію; вотъ она: «Ты знаешь, *Оливье,* что страхъ, наказанія отъ моего хозяина заставилъ меня бѣжать изъ Ла Сарраса. Дорогою, сначала я и самъ не зналъ, куда идти, гдѣ приклонить голову, но, не смотря на это, я чувствовалъ въ себѣ душевное удовольствіе, спокойствіе и нимало не заботился о будущемъ. Я былъ сильный, здоровый парень; никто

не вѣрилъ, чтобы мнѣ было только 14 лѣтъ. Къ работѣ я привыкъ, а погода не имѣла на меня никогда вліянія, къ лакомству я не пріучился; въ чемъ-же мнѣ нуждаться; я уже былъ въ силахъ пропитать себя. И такъ, имѣя въ карманѣ нѣсколько фениговъ, я считалъ себя уже большимъ богачемъ.»

«Бѣжавши безъ отдыха почти всю ночь, наконецъ, отъ усталости и голода, прилегъ я отдохнуть, и съѣсть хлѣбца, который взялъ съ собою. Мѣсяцъ былъ въ полномъ сіяніи, и при свѣтѣ его, чтобъ отрѣзать хлѣба, вынулъ я изъ кармана подаренный тобою на память ножикъ; тутъ я не могъ удержаться и слезы въ три ручья хлынули у меня. Тогда я какъ будто-бы увидѣлъ тебя предъ собою, вполнѣ почувствовалъ, сколь дорогъ былъ ты для меня, и какого благополучія лишился я, лишившись тебя!» При сихъ словахъ *Кюньи* вынулъ изъ кармана ножикъ съ перламутровымъ черенкомъ, показалъ его своему другу и сказалъ съ необыкновеннымъ чувствомъ: «видишь-ли Оливье? онъ цѣлъ!—Наша дружба еще не разторгнута!»... *Оливье* вскочилъ— и дружескій, братскій поцѣлуй запечатлѣлъ слова *Кюньи*.

Потомъ Кюньи продолжалъ: «Ну, слушай-же! когда я такимъ образомъ сидѣлъ, проливая слезы, пришло мнѣ въ голову, какъ ты, будучи знатнаго происхожденія, пріѣдешь въ армію и немедленно опредѣлятъ тебя поручикомъ; я-же, бѣднякъ, буду

только погонщикомъ, а много, много конюхомъ или простымъ солдатомъ. О! какихъ, какихъ плановъ я не замышлялъ, чтобъ сдѣлаться богатымъ, накопить себѣ денегъ, и въ щегольскомъ платьѣ явиться къ какому нибудь генералу и проситься объ опредѣленіи въ военную службу! Мечтамъ моимъ не было конца, но однако, напослѣдокъ, мечты мои нѣсколько осуществились.»

«Пришедши въ *Понтарлье*, нанялся я къ одному значительному человѣку; понравился ему и онъ взялъ меня къ себѣ для прислугъ въ комнаты.

Тутъ, будучи уже пристойнѣе одѣтъ, сперва былъ я лакеемъ; но какъ онъ случайно увидѣлъ мой почеркъ, то сдѣлалъ меня своимъ писаремъ и счетчикомъ. Я получалъ хорошее жалованье. Жена и дѣти моего хозяина также полюбили меня. Я могъ быть очень счастливъ моею участью, но ничто меня не радовало. Подвиги великаго *Конде* не давали мнѣ и заснуть. Въ *Понтарлье* только и разговоровъ было о побѣдахъ его на Рейнѣ. Я съ жадностію читалъ всѣ газеты, всѣ журналы, историческія книги, старыя и новыя. У моего хозяина было много сочиненій этого рода.»

«Но прежде нежели я еще рѣшился, сама судьба привела меня въ армію. Весною 1645 года хозяинъ мой скоропостижно умеръ; а вдова его уволила меня съ хорошимъ награжденіемъ.—Тогда еще разъ написалъ я къ моимъ братьямъ и сестрамъ и, чтобъ успокоить ихъ, увѣдомилъ о моемъ благополучіи; еще

разъ попросилъ у нихъ извиненія въ моемъ побѣгѣ; прежнему моему хозяину, пастуху, послалъ весьма достаточное вознагражденіе за растерзанную волкомъ козу, и принялъ твердое намѣреніе испытать себѣ счастіе въ военной службѣ.»

«Оставивъ Понтарлье, отправился я, чрезъ Базель и Рейнъ, отыскивать войско *Кондс*. Явясь на французскіе форпосты, просилъ я представить меня къ командующему офицеру. Маркизъ Бельфондъ начальствовалъ тутъ, и меня привели прямо къ нему.

«Что тебѣ надобно, молодчикъ?» спросилъ онъ меня отрывистымъ голосомъ. «Я просто, чистосердечно сказалъ ему, что я Швейцарецъ, изъ хорошаго семейства, но послѣ отца не получилъ въ наслѣдство ничего, кромѣ мужества и чести, хочу служить волонтеромъ подъ побѣдоносными знаменами принца *Конде*, и надѣюсь своимъ поведеніемъ заслужить его благоволеніе.»

«Молодость-ли моя, или отвѣты мои, или-же моя настойчивость, чтобъ непремѣнно быть въ военной службѣ, тронули Маркиза, не знаю, но довольно того, что, по долгомъ со мною разговорѣ, онъ принялъ меня къ себѣ и обѣщался имѣть обо мнѣ попеченіе. Меня одѣли въ военный мундиръ и опредѣлили волонтеромъ.»

«Каждый день происходили стычки, я всегда бывалъ участникомъ въ нихъ. Маркизъ Бельфондъ полюбилъ меня. Я у него никогда не былъ безъ дѣла,

долженъ былъ всюду слѣдовать за нимъ. Вскорѣ произошло убійственное сраженіе при Аллерсгеймѣ, гдѣ лишился жизни и предводитель баварской арміи *Мерси*. Тутъ, не смотря на мою молодость, я успѣлъ отличиться въ присутствіи моего покровителя. Нашъ отрядъ смѣшался, началъ уже отступать въ безпорядкѣ и готовъ былъ обратиться въ бѣгство, осыпаемый картечью; подпрапорщикъ, несшій знамя, былъ убитъ, я спрыгнулъ съ лошади; «что за дьявольщина! ты куда?» вскричалъ Белльфондъ.— «Побѣдить, или умереть!» кричалъ я; схватилъ знамя и бросился впередъ; нѣсколько отважныхъ солдатъ, кои или не хотѣли лишиться своего знамени, или не хотѣли быть пристыженными молодымъ человѣкомъ, послѣдовали за мною; за ними бросилась цѣлая рота, наконецъ и справа и слѣва подбѣжали остальные, и мы, съ отчаяніемъ обратясь на непріятеля, вырвали у него изъ рукъ побѣду.»

«Ты славный малый,» сказалъ мнѣ Маркизъ, когда мы отдыхали на бивакахъ, и обнялъ меня при всѣхъ солдатахъ. Безъ сомнѣнія онъ говорилъ обо мнѣ съ принцемъ Конде, потому что на другой день принцъ приказалъ представить меня къ себѣ. У него былъ въ это время Маркизъ и многіе полковники и генералы. Маркизъ представилъ меня знаменитому герою.

««А!»» вскричалъ принцъ ««этотъ-то Бельфондовъ волонтеръ?»» Онъ хвалилъ меня и произвелъ

въ офицеры. Съ тѣхъ поръ во всей арміи меня прозвали Бельфондовымъ волонтеромъ. И я всѣ силы употреблялъ прославить имя, коимъ былъ почтенъ.

Тутъ измѣнился мой путь. По заключеніи въ Германіи мира, полкъ *нашъ* былъ отправленъ во Фландрію противъ Испанцевъ, гдѣ начальствовалъ нами *Тюреннъ*. Вскорѣ достигъ я чести — сдѣлаться лично извѣстнымъ Маршалу, который отличалъ меня, и такъ я заслуживалъ чинъ за чиномъ. Теперь я полковникъ; это такое благополучіе въ моихъ лѣтахъ, въ моемъ положеніи, что я самъ едва понимаю, какимъ образомъ все это случилось. Вѣрно Богу такъ угодно; за Него и мое отечество сражаться, побѣждать, или умереть, первѣйшее мое желаніе! Вотъ тебѣ вся моя исторія.»»

«Ты легко поймешь, что я живѣйшее чувствовалъ влеченіе увидѣть еще разъ мѣста моего дѣтства, что я посѣтилъ твоихъ родителей, чтобы узнать о тебѣ, отъ чего и случилось, что прелести твоей милой сестры оковали меня на вѣки.

«Изъ этого ясно видно,» вскричалъ *Оливье*, что человѣкъ можетъ достигнуть всего, если стремится къ доброму и полезному, если онъ твердо на то рѣшится и не захочетъ сидѣть, склавши руки.»

-⁂-

Августъ.

VIII.

Августъ.

Въ этомъ мѣсяцѣ дневный жаръ не рѣдко достигаетъ высшей степени, но въ послѣдніе дни уже значительно уменьшается. Вообще Августъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ мѣсяцевъ, и исключая скоропреходящихъ сильныхъ дождей, производящихъ въ атмосферѣ благотворную прохладу, яспое небо рѣдко бываетъ помрачено. — Спѣлые ранніе овощи манятъ въ садъ, время собиранія дынь наступило; ячмень и овесъ уже въ первыхъ числахъ мѣсяца достигаютъ своей зрѣлости; персики и априкосы украшаютъ нашъ десертъ. — Пѣвчія птицы умолкаютъ; многія изъ нихъ начинаютъ линять еще съ половины мѣсяца. Такъ называмые «каникулы» оканчиваются съ 23-го Августа; день уже убылъ двумя часами. Въ концѣ

мѣсяца на нашихъ рынкахъ являются уже во множествѣ груши, бобы, сливы; орѣхи поспѣваютъ; природа раздаетъ дары свои щедрою рукою. Поселяне занимаются приготовленіемъ полей для зимняго посѣва; утренняя и вечерняя заря быстро уменьшаются, время цвѣтенія розъ прекратилось: ночи становятся холоднѣе: соловьи, иволги и аисты отлетаютъ въ теплѣйшія страны. Посѣтители минеральныхъ водъ начинаютъ разъѣзжаться. — Лѣто кончается. — 1 Августа солнце восходитъ въ 4 ч. 33 м. по полуночи, садится въ 7 ч. 27 м. по полудни.

Благородная дочь.

КАРТИНА ИЗЪ ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Для поселянъ время жатвы во всемъ году самое утѣшительнѣйшее; въ это время мать наша земля сторицею вознаграждаетъ ихъ за тягостные труды. Всѣ надежды ихъ основываются на этихъ достопримѣчательныхъ дняхъ года, и громогласныя изъявленія радости наполняютъ воздухъ, когда острые косые серпы пожинаютъ златые классы, и они, связанные въ снопы, являютъ истинное сокровище трудолюбиваго земледѣльца. Во всѣхъ странахъ, гдѣ занимаются земледѣліемъ прилежно и съ успѣхомъ, время жатвы бываетъ безпрерывнымъ празднествомъ; богатые помѣщики не жалѣютъ ничего, чтобы работники ихъ были веселы и прилежны; въ иныхъ земляхъ ихъ водятъ на поля съ громкою музыкою; молодые парни, въ изъявленіе общей радости, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ; музыка, даже пля-

ска, въ часы отдохновенія, и сытная вкуская пища по окончаніи работы награждаютъ прилежаніе и услаждаютъ труды. Множество постороннихъ приходитъ къ жнитву въ цвѣтущихъ деревняхъ и мызахъ; это все бѣдные горные жители, кои оставляютъ свои жилища, столь богатыя красотами природы, но столь бѣдныя произведеніями почвы, и предлагаютъ услуги свои для жатвы, чтобы имѣть участіе въ радостныхъ праздникахъ жителей долинъ и низовыхъ мѣстъ, а заработанными деньгами прожить зиму и весну въ своихъ уединенныхъ, бѣдныхъ горныхъ хижинахъ. Такимъ образомъ и свои, и чужіе братски простираютъ другъ къ другу руки, и видъ столь веселой, шумной дѣятельности возбуждаетъ въ каждомъ непорочномъ сердцѣ чувства, направляющія къ радости и благодарности.

На картинкѣ, изображающей Августъ мѣсяцъ, вы видите, съ натуры срисованную, сцену жатвы. Изображено время отдыха жнецовъ по дневныхъ трудахъ. Владѣтельница полей осматриваетъ пожатые благословенные дары земли; дѣти ея, съ младенчества пріученные къ прилежанію и трудамъ, хлопочутъ подкрѣпить силы жнецовъ, утомленныхъ зноемъ и напряженными работами. Дочка ея подаетъ почтенному старичку прохладительной напитокъ, а младшій сынъ тащитъ полную корзину съѣстныхъ припасовъ. О! съ какимъ удовольствіемъ будутъ они насыщаться! Чего-бы не пожалѣлъ иной богатый

городскій житель, если-бы аппетитъ этихъ поселянъ и удовольствіе, съ какимъ утоляютъ его, могъ онъ купить. Но здоровье, веселость и истинная житейская радость раждаются только отъ дѣятельной работы, и только за трудомъ слѣдуетъ вѣрная награда.—Орудія жатвы, украшающія рамку картинки, даже пара голубей, символъ согласія, и предъ дверьми хижины праздничная березка, какъ доказательство непритворной радости, придуманы весьма остроумно для приданія картинѣ большаго еффекта.

Но картина эта заключаетъ въ себѣ еще внутреннее, высшее достоинство.

Подлинникъ видѣлъ я въ Силезіи въ помѣстьѣ тамошняго дворянина, съ коимъ познакомился чрезъ одного изъ моихъ школьныхъ друзей, и вскорѣ былъ такъ счастливъ, что снискалъ его расположеніе. — «Дѣвушка, которую видите вы на этой картинѣ,» сказалъ онъ, замѣтивъ съ какимъ сердечнымъ участіемъ разсматривалъ я картину, «изображаетъ мою жену въ ея дѣтствѣ. По чему самому эта картина для меня особенно драгоцѣнна!»— Другъ мой тогоже дня, когда мы послѣ обѣда прогуливались въ саду, разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію, которая имѣла нѣкоторое отношеніе къ картинѣ: Изображенная на ней дѣвушка, подносящая съ радушіемъ утомленному старику прохладительный напитокъ, въ совершенномъ возрастѣ являла образецъ дочерей исполненіемъ дѣтскихъ обязанностей. Разсказъ его про-

извелъ въ душѣ моей тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что я въ любви достойной супругѣ нашего хозяина, имѣлъ предъ глазами предметъ этого разсказа. Но впрочемъ пусть онъ самъ разсказываетъ.

*

««Въ *Родау*, веселомъ мѣстечкѣ, ежегодно, по окончаніи жатвы, въ день храмоваго праздника бываетъ ярмарка. При этомъ случаѣ, какъ извѣстно, всѣ жители мѣстечка и ихъ гости бываютъ лучше обыкновеннаго одѣты; тутъ, на свободѣ отъ дѣлъ, всѣ бродятъ толпами, тѣснятся передъ лавками. Каждый суетится доставить себѣ удовольствіе, а иногда получаетъ и неудовольствіе; много разговариваютъ, съ избыткомъ наѣдаются и нерѣдко чрезъ мѣру напиваются. Въ трактирѣ кипитъ народомъ, крестьяне и ремесленники наслаждаются по своему, а подъ конецъ не рѣдко бываетъ тамъ работа и для лекарей и цирюльниковъ.

Многочисленное общество, въ томъ числѣ и Амтманнъ съ женою, собралось въ домѣ священника, ибо изъ него лучше можно было видѣть торжество праздника. Тамъ изъ одного окна смотрѣли на шумныя толпы веселящихся супруга Амтманна, съ нѣкоторыми пріятельницами и другомъ моимъ *Риттерштейномъ*.

«Вонъ идетъ Асессоръ *Виллингъ* съ дочерью! Это странно!» вскричала одна изъ зрительницъ.

Быстро устремилъ туда взоръ свой молодой человѣкъ, и съ біющимся сердцемъ узналъ ту, которую видалъ раза два, не болѣе, а между тѣмъ слухъ его безпрестанно поражался выраженіями удивленія о прибытіи этихъ особъ, и напослѣдокъ услышалъ онъ слѣдующія сужденія: «дѣвица Виллингъ, хороша собою, очень хороша; но жалко, съ такою наружностію быть подобною ей.» ««Почему?»» сказалъ г. фонъ Риттерштейнъ,—и вдругъ замолчалъ, смѣшавшись. «Правда!» сказала одна изъ дамъ, «лучше нельзя имѣть таліи, лице-же у ней правильно, нѣжно, только нѣсколько блѣдно. Да и то сказать, всегдашнія заботы, безпокойныя мысли, желанія, однимъ словомъ: несчастная скупость, допустятъ-ли, чтобъ лице ея украшалось свѣжестію.»

Риттерштейнъ ужаснулся. Наружная любезность Маріи и скромность столь сильно поразили сердце молодаго человѣка, внедавнѣ вступившаго во владѣніе помѣстьемъ, гдѣ мы гуляли, что онъ желалъ предложить ей руку и сердце свои. Каково-же было его изумленіе, когда онъ, сужденія о ея чрезмѣрной скупости, услышалъ подтвержденными такою дамою, коей болтливость и поспѣшность мнѣній хотя и были ему извѣстны, но которую не могъ онъ почитать клеветницею.

Молодой помѣщикъ старался оправдывать Марію. «Хорошо! сами узнаете,» отвѣчали ему. «Виллингъ живетъ отсюда не далѣе мили; теперь дни самые

долгіе, мѣсяцъ свѣтитъ во всю ночь;—надобно сдѣлать такъ, чтобы они отсюда отправились не ранѣе 10 часовъ вечера,—да, мы всѣ вызовемся провожать старика, и вы увидите, допуститъ-ли дочь, чтобъ отецъ ея отужиналъ съ нами.»

«Но сего дня, если только удастся, надобно постараться, чтобы желаніе ея не исполнилось.»

Съ сими словами дама эта встала, отозвала въ сторону мужа и на ухо предувѣдомила его о своихъ замыслахъ; легкомысленный съ готовностію согласился на то и, потомъ, съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ исполнилъ волю жены.

Вскорѣ послѣ того вошелъ Ассесоръ Виллингъ съ дочерью. Нѣжный румянецъ, покрывшій лице этой дѣвушки, при видѣ многочисленнаго общества, придалъ ей неизъяснимую прелесть; и безъ того никто не могъ не удивляться, взирая на ея благородный видъ, выразительные глаза и нѣжность обхожденія; но молодой помѣщикъ съ сердечнымъ соучастіемъ обращался съ нею. Но чѣмъ болѣе осыпали старика, считаемаго за страдальца, привѣтствіями, тѣмъ поразительнѣе была холодность, съ какою встрѣтили дѣвушку; ничего незначащіе вопросы, испытывающіе взгляды, и краткіе отвѣты были ея участію.

Почти оставленная всѣми безъ вниманія, изъ всего общества нашла она въ помѣщикѣ единственное существо, обращавшееся съ нею искренно,

съ участіемъ. Разговоры ея дышали нѣжностію чувствъ, возвышенностію ума, справедливыми сужденіями, такъ что слова ея обворожили его еще болѣе, нежели привлекательность ея поступковъ, въ коихъ онъ, къ своему утѣшенію, не могъ замѣтить ни одной черты, которая могла-бы оказать хладнокровіе, столь ясно отличающее скупыхъ.

Марія, отозвала отца въ сторону и сказала ему хотя и негромко, но и не очень тихо, такъ что многіе это слышали: «Я теперь пойду кое-что купить, по приказанію маменьки; ворочусь неближе, какъ черезъ часъ; это будетъ, думаю, половина осьмаго, и тогда мы, милый папенька, тотчасъ-же пойдемъ домой!»

Тутъ всѣ наперерывъ дружески, убѣдительно начали просить, чтобъ она оставила свое намѣреніе, такъ рано возвратиться домой; ни одно слово, ни одинъ взоръ не укрылся отъ молодаго человѣка. Онъ не зналъ чему болѣе удивляться, вѣжливости-ли и казавшейся заранѣе изученною ловкости, съ коими она представляла множество извиненій, уваженію-ли, съ какимъ напоминала своему родителю о дѣлахъ не терпящихъ отлагательства, замѣтному-ли безпокойству, съ которымъ смотрѣла на своего родителя, хранившаго молчаніе, между тѣмъ какъ въ глазахъ его видно было желаніе не исполнить просьбы общества, собственной-ли ея нерѣшительности; твердости-ли, съ коею предприняла она исполнить

свое намѣреніе, и которая вскорѣ къ ней возвратилась.

Едва успѣла она удалиться, какъ самъ Амтманъ, подкрѣпленный многими другими, приступилъ къ Вилингу почти съ непреодолимыми убѣжденіями.

« Здѣсь теперь собрались все одни друзья, желающіе провести вечеръ вмѣстѣ съ вами; мы сочтемъ себѣ за обиду и презрѣніе, ежели вы не оставите вашего намѣренія! Мы, мужчины, пойдемъ впередъ въ ратушу; дамы придутъ къ намъ часовъ въ восемь; тамъ все приготовлено къ дружескому угощенію. Вы должны выпить съ нами бокалъ винца; безъ того не пустимъ васъ отсюда!» Старикъ отговаривался, но былъ убѣжденъ, улыбнулся и замолчалъ; тутъ начались обниманія, дружескія пожатія рукъ, и все общество повело его какъ-бы съ торжествомъ. Только помѣщикъ остался съ дамами, которыя не могли досыта насмотрѣться на эту веселую толпу.

Въ назначенное время Марія возвратилась. Ея замѣтная блѣдность при извѣстіи о уходѣ ея родителя, поспѣшный вопросъ, скоро-ли онъ придетъ обратно, тоска, съ коею перебирала она своими перчатками, нѣкоторые наружные признаки, открывавшіе преодолѣваемое намѣреніе идти за отцемъ, причемъ она то и дѣло выходила изъ комнаты узнать не возвращается-ли онъ,—все это произвело въ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ отчасти родъ злобной радости. Помѣщикъ желалъ узнать о причинѣ

ея безпокойства, отвѣтъ показалъ ему, что она нѣчто скрываетъ, хотя, напротивъ того, благородные поступки ея очевидно удостовѣряли, что ей самой по себѣ нечего было скрывать. Она часто выходила на улицу и какъ скоро замѣтила, что и прочіе собирались идти въ ратушу, опять выбѣжала изъ дома. Молодой помѣщикъ послѣдовалъ за нею издали. Вдругъ смертная блѣдность покрыла щеки ея, и она поднявъ къ небу взоръ, всплеснула руками и пошатнулась назадъ; въ тотъ-же мигъ подбѣжалъ онъ къ ней на помощь.

Что-же представилось взорамъ его? Отецъ ея, шелъ по улицѣ пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону!—Соблазненный веселыми товарищами, безпрестанно приглашавшими его пить съ ними вино, онъ предался, едва удерживаемой страсти; но потомъ вспомнивъ, будто сквозь сонъ, что дочь будетъ его дожидаться, тихонько ушелъ изъ комнаты и направилъ шаги свои къ священникову дому; но дорогою излишнее употребленіе вина начало оказывать надъ нимъ силу свою.

«Помогите мнѣ! о Боже мой! вы въ первый разъ это видите!» закричала Марія; «кажется мнѣ, на улицѣ мало народа, слава Богу! никого нѣтъ изъ нашихъ; ахъ! лишь-бы никто изъ его подчиненныхъ не узналъ объ этомъ! пособите мнѣ отвести его немедленно въ бесѣдку.» Поспѣшно довела она его до бесѣдки и посадила на скамью. Потомъ дѣвушка

обратилась къ Риттерштейну съ убѣдительнѣйшею просьбою, изъ состраданія удалить любопытныхъ и безъ всякаго шума озаботиться пріисканіемъ для нихъ коляски; послѣ того, и хотя и неспокойно, но съ прежнею любезностію, сказала:

«Теперь вы видите все: я сама слышала всѣ упреки, коими меня и маменьку столь безжалостно осыпали за скупость! — Нѣсколько подобныхъ приключеній побудило насъ, сколь возможно, убѣгать большихъ обществъ и заботливѣйшимъ попеченіемъ привлечь папеньку къ семейственной жизни. Но по этому, умоляю васъ со слезами, какъ честнаго благороднаго человѣка, — не судите дурно о папенькѣ. Нѣтъ въ мірѣ человѣка честнѣе, добрѣе его, только въ вихрѣ радости, въ веселомъ обществѣ, за бокаломъ вина, онъ забываетъ себя! Притомъ-же глубокая старость, лишаетъ его силы господствованія надъ самимъ собою. Повѣрьте мнѣ, что онъ самъ знаетъ хорошо такую свою слабость и съ искреннѣйшею любовію привязанъ къ маменькѣ и ко мнѣ.

Молодой человѣкъ исполнилъ со всею точностію просьбу ея, и отыскивая коляску, разсказалъ все подробно супругѣ Амтмана, которая внѣ себя отъ удивленія, съ непритворнымъ сознаніемъ просила извиненія у бѣдной дѣвушки, коей достоинства были столь худо поняты; приказала, чтобы коляска была подвезена къ заднимъ воротамъ священникова дома и проводила Виллинга съ дочерью до жилища ихъ.

Стыдясь Марiи и пораженный слабостiю, которой помѣщикъ былъ свидѣтелемъ, старикъ во время дороги такъ разсѣялся, что въ немъ почти не осталось и слѣдовъ излишняго употребленiя вина; такимъ образомъ не нужно было обезпокоивать заботливую его жену разсказомъ о случившемся съ нимъ и всѣ провели вечеръ очень весело. Молодой человѣкъ съ радостiю воспользовавшись приглашенiемъ Ассессора, отужинать у нихъ, нигдѣ не видалъ и слѣдовъ скряжества, вездѣ въ домѣ замѣтилъ такой порядокъ, что на другой-же день рѣшился просить у родителей Марiи руки ихъ дочери.

Вотъ вамъ исторiя дѣвушки, портретъ которой, какъ дитяти, видите вы на картинѣ, изображающей жатву, а подлинникъ въ прелестной и любви достойной супругѣ друга моего! Сими словами заключилъ мой сопутникъ повѣсть свою.

IX.

Сентябрь.

Сентябрь заслуживаетъ названіе мѣсяца обилія. Деревья обременены плодами всѣхъ родовъ; рѣки и пруды наполнены рыбою, лѣса дичью; съ овецъ собираютъ шерсть, изъ ульевъ вынимаютъ медъ. Въ первой половинѣ Сентября вечера отмѣнно пріятны и ясны. Ласточки уже отлетаютъ, и въ половинѣ мѣсяца листья начинаютъ блекнуть; горлицы, трясогузки, кулики, удоды улетаютъ нѣсколько позднѣе, а кукушка передъ наступленіемъ осени. Осень наступаетъ 23-го Сентября; и тогда опять день и ночь совершенно равны. Но съ этого времени долгота дня быстро уменьшается: земледѣлецъ приготовляется уже къ посѣву озимаго хлѣба; и съ послѣднимъ днемъ сего мѣсяца начинается экономическій или хозяйствен-

Сентябрь.

ный годъ. Въ Сентябрѣ часто бываетъ пріятнѣйшая погода; первую его половину очень справедливо называютъ *вторымъ Маіемъ,* столь прелестно и ясно бываетъ это время года; и вообще мало случается дождливыхъ дней; но во второй половинѣ иногда бушуетъ холодный, пронзительный вѣтеръ.

1-го Сентября солнце восходитъ въ 5. ч. 23. м. по утру, а заходитъ въ 6 ч. 37. м. вечера.

КРАСНОЕ ЯБЛОКО.

Г. ф. Линденштеинъ, богатый человѣкъ, имѣвшій въ Стразбургѣ домъ, вздумалъ съ дѣтьми своими, кои послѣ экзамена были отпущены на два мѣсяца, отправиться на мызу. Тамъ давалъ онъ имъ болѣе свободы для развитія тѣлесныхъ силъ, чего они были лишены въ городѣ, и каждый день его отеческое попеченіе изыскивало новыя удовольствія для милыхъ малютокъ, двухъ сыновей и дочери, коихъ любилъ онъ болѣе своей жизни.

Однажды онъ сдѣлалъ имъ пріятное порученіе, собрать плоды съ лучшей во всемъ саду яблони. Онъ позволилъ имъ цѣлый день заниматься такою работою, но по основательнымъ причинамъ запретилъ всей своей прислугѣ помогать дѣтямъ; ибо онъ былъ столь благоразумный родитель, что считалъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, чтобы дѣти, занимаясь полезными работами, были предоставляемы иногда самимъ себѣ и пріучались къ самостоятельности: этимъ доставляется способъ къ употребленію

въ дѣйствіе всѣхъ своихъ силъ и къ изощренію ихъ; человѣкъ оттого становится изобрѣтательнымъ и въ немъ развивается наклонность къ постоянному прилежанію.— Приказавъ укрѣпить къ дереву лѣстницу и разставить вокругъ его корзинки, сказалъ онъ восхищающимся малюткамъ: плоды этой отличной яблони, впродолженіи всей осени и зимы, будете вы получать при вашемъ полдникѣ; снимайте ихъ осторожно и исполненіемъ этой нетрудной работы, которую предпринимаете вы съ такою веселостію, докажите, что *бережливость*, *любовь къ порядку* и *постоянство* для васъ не вовсе чуждыя добродѣтели. «Мы это сдѣлаемъ, мы это сдѣлаемъ!» радостно восклицали дѣти. Юлій, старшій изъ всѣхъ, обнялъ добраго родителя, кроткая Матильда цѣловала у него руки, а маленькій Оттокаръ, внѣ себя отъ радости, прыгалъ вокругъ него и повторялъ слова брата и сестры. По уходѣ родителя принялись они за работу. Юлій мигомъ взлѣзъ на лѣстницу и такъ ревностно началъ срывать яблоки, что нѣкоторые падали на землю и маленькому Оттокару, который взялся подбирать упавшіе, было довольно работы. Матильда подавала корзинки, обтирала ихъ, а также подбирала въ свой передничекъ яблоки, падавшіе изъ рукъ неутомимаго братца.

Они работали такъ усердно, что когда раздался звонокъ къ обѣду, то уже и послѣдніе яблоки были

убраны туда, гдѣ должны были беречься на зиму. Съ набожностію, сотворивъ молитву передъ образомъ, дѣти радостно сѣли за столъ и немало утѣшали папеньку своего разсказами о своихъ трудахъ.

«А что-же такое сдѣлалъ деревенскій мальчикъ, которому ты, Юлій, грозилъ и котораго прогнали изъ саду?» вдругъ спросилъ ихъ папенька; «я видѣлъ это изъ окна и хочу знать, какую непріятность онъ сдѣлалъ вамъ?»

«Онъ безъ спросу вошелъ въ садъ,» сказалъ Юлій покраснѣвши, «и просилъ, чтобъ дали ему парочку яблоковъ; но мы, помня твое наставленіе быть бережливыми, не дали ему ни одного и прогнали его прочь.»

«Вы дурно поступили,» возразилъ отецъ съ важнымъ видомъ, «понявъ мое увѣщаніе о бережливости въ такомъ смыслѣ. Я хотѣлъ, чтобы вы сняли всѣ яблоки, не оставили сколько нибудь на землѣ или на вѣткахъ, гдѣ-бы они сгнили, хотѣлъ, чтобъ вы бережно и осторожно обходились съ ними; оттого, что помятые или поврежденные плоды скоро портятся; но имѣлъ-ли я въ мысляхъ воспрещать вамъ удѣлить бѣдному мальчику что нибудь отъ такого избытка? Это нехорошо, неблагородно! —

По окончаніи послѣ-обѣденной молитвы, дѣти плача подошли къ папенькѣ. Матильда просила о прощеніи Юлія, а онъ просилъ позволенія, въ воз-

награжденіе, снести мальчику цѣлую корзинку яблоковъ, чтобы онъ, возвратясь домой, былъ обрадованъ и легъ спать, не сердясь на него! Это успокоило Г. Линденштейна. Онъ похвалилъ намѣреніе дѣтей и согласился на ихъ просьбу.

«Я хочу разсказать вамъ, говорилъ онъ, воспользовавшись настоящимъ случаемъ, исторію, происшедшую съ моимъ дѣдомъ, и которая была единственною причиною нашего благосостоянія, позволяющаго мнѣ воспитывать и образовывать васъ съ особенными пожертвованіями. Но въ самомъ дѣлѣ поводомъ къ возвышенію моего дѣда было яблоко; вы уже слыхали отъ меня, что онъ былъ бѣдный арендаторъ, жившій въ окрестностяхъ Страсбурга.

Дѣдъ мой, продолжалъ Г. Ф. Линденштейнъ, былъ предобрѣйшій человѣкъ. Достигнувъ старости, онъ оставался въ мірѣ почти сиротою, потому что батюшка мой служилъ въ арміи корнетомъ, а бабушка уже переселилась въ лучшую жизнь.

У него никого не было, кромѣ старухи родственницы, по имени Маргариты, которая питала къ нему особенное дружество и пеклась объ немъ наилучшимъ образомъ; но за то цѣлый день съ утра до ночи ворчала и бранилась, такъ что слышать безпрестанно домашній шумъ и крикъ, обратилось для него наконецъ въ привычку. Пропитывая себя

доходами съ мызы и нѣсколькихъ плодородныхъ полей, удѣлялъ онъ третью часть своего прибытка на бѣдныхъ, и удѣлялъ-бы еще болѣе, если-бы бережливость Маргариты не поставляла безпрестанно его добродушной щедрости непреодолимыхъ преградъ.

Хотя благотворительные люди всюду и всегда являются для человѣчества неоцѣненнымъ даромъ небесъ, но во времена моего дѣда наиболѣе ощущала въ нихъ необходимость Францiя, жестоко потрясенная первою революцiею. До самыхъ границъ миролюбиваго Ельзаса свирѣпствовала ярость партiй, междоусобная война болѣе и болѣе распространялась, и кровавыя сцены, гдѣ братъ съ братомъ бились на жизнь и смерть, приближались и къ этой области. Приверженные къ королю страдали; разбитые и разсѣянные республиканскими войсками, вели они извѣстную малую войну толпами въ пять, десять, сто человѣкъ, сего-дня здѣсь, завтра тамъ, и всегда съ тѣмъ, чтобъ побѣдить или умереть. Изгнанные, лишенные своего достоянiя, по законамъ, самопроизвольно составленнымъ тиранами, причислялись они къ разбойникамъ, и, конечно отчаяваясь въ дѣлѣ, которому пребыли вѣрными, скитались они изъ мѣста въ мѣсто, подобно бѣглецамъ, не имѣя гдѣ приклонить голову. Оказать имъ помощь, по тогдашнему положенiю вещей, было преступленiемъ, но встрѣчались еще нѣкоторые граждане, коихъ не

удерживала и опасность собственной жизни, утѣшать несчастныхъ и помогать имъ. Въ числѣ ихъ дѣдъ мой не спрашивалъ кто къ какой партіи принадлежалъ, какихъ политическихъ мнѣній держался; чтобы надѣяться на его соучастіе и вспомоществованіе, довольно было, быть злополучнымъ и безпомощнымъ.

*

Однажды, въ Сентябрѣ, сидѣлъ онъ въ своей садовой бесѣдкѣ, и что-то читалъ: вдругъ шорохъ въ отдаленномъ кустарникѣ отвлекъ его вниманіе отъ книги. Сквозь щель садоваго забора увидѣлъ онъ, что крадется сильный, статный мужчина, наружность коего доказывала, что онъ принадлежалъ къ какой либо изъ скитавшихся въ окрестности шаекъ. Круглая шляпа, украшенная небольшимъ перомъ, охотничье платье изъ тонкаго сукна, блестящее ружье показывали, что онъ наслаждался прежде лучшею участію, нежели въ настоящее время. Онъ былъ весь въ пыли, на лицѣ его изображались сильная горесть и ужасъ. Съ жадностію посмотрѣлъ онъ на деревья, изобильно покрытыя плодами; дѣдъ мой немедленно выйдя изъ бесѣдки, пошелъ къ этому человѣку, который, съ свойственною его положенію робостію, соединенною съ отчаянною рѣшительностію, приготовился защищать свою жизнь.

«Не бойтесь ничего,» сказалъ мой дѣдъ: «едва

замѣтилъ я васъ въ моемъ саду, какъ сердечно вознамѣрился быть вамъ полезнымъ, сколько это можно согласить съ правилами человѣчества и должностію гражданина.»

«Ради милосердія Спасителя,» сказалъ Шуанъ (такъ назывались члены подобныхъ шаекъ), «не откажите мнѣ въ одномъ только яблокѣ, съ этого дерева, я умираю отъ голода и жажды: болѣе ничего не прошу.»

Дѣдъ мой поспѣшно нарвалъ нѣсколько самыхъ лучшихъ яблоковъ и подалъ ихъ незнакомцу, который колеблющимися шагами подошелъ къ нему и съ жадностію началъ пожирать плоды. «Эта пища для васъ не годится,» сказалъ старецъ, «сей часъ поспѣетъ мой ужинъ, и если угодно, раздѣлите его со мной. Я не спрашиваю, кто вы таковы; довольно, что вы голодны, и, какъ кажется, для васъ необходима поспѣшнѣйшая помощь.»

Хотя сначала Шуанъ и казался въ нерѣшимости, но довѣряя честному, благородному виду моего добраго дѣдушки, безъ многихъ противорѣчій принялъ предложеніе.

Маргарита съ изумленіемъ устремила взоръ свой на дѣда моего, идущаго съ незнакомцемъ; глаза ея засверкали, когда дѣдъ мой собравшись съ мужествомъ, спросилъ, готовъ-ли ужинъ и велѣлъ подать еще приборъ. «Какъ кажется,» сказала она, съ

трудомъ удерживая гнѣвъ свой, «вы вздумали пригласить необыкновеннаго гостя. Не знаю достанетъ-ли кушанья, притомъ думаю....

«Тутъ нечего думать,» возразилъ старикъ, «скорѣе давай все, что изготовлено! видишь, человѣку и ѣсть и пить хочется.»

«Да онъ ни дать, ни взять похожъ на разбойника, прошептала ему Маргарита; и въ самомъ дѣлѣ пріемы незнакомца почти оправдывали ея слова; потому что онъ съ робкимъ видомъ осматривалъ всѣ углы въ комнатѣ и не выпускалъ изъ рукъ своего оружія.

«Молчать,» сказалъ дѣдъ мой, «я не судья его, да и не хочу съ нимъ ничего болѣе сдѣлать, какъ исполнить должность, повелѣнную Господомъ въ его святомъ законѣ: накормить алчущаго, напоить жаждущаго. Маргарита побѣжала въ кухню и вскорѣ явилось на столѣ полное блюдо кушанья. Пришлецъ недолго заставилъ просить себя, раздѣлить трапезу старца; съ жадностію напалъ онъ на кушанье, и мой добрый дѣдушка, почти опасаясь, дивясь и опять радуясь неимовѣрному апетиту страннаго гостя, увидѣлъ, что и безъ его содѣйствія блюдо опорожнилось, хлѣбъ изчезъ, большая фляга вина, да даже и вода изсякли.

**

Надобно признаться, сударь, «наконецъ началъ говорить гость,» вы превосходный хозяинъ! давно

уже не ѣлъ я съ такимъ вкусомъ!» И между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ похорошелъ въ лицѣ, взоры его заблистали, и безпокойство въ его пріемахъ уменьшилось съ возрастающими тѣлесными силами. Нѣсколько разъ съ болѣзненнымъ видомъ потиралъ, онъ верхнюю часть лѣвой руки; дѣдъ мой, замѣтивъ что кистью и всею рукою онъ не владѣлъ, спросилъ что у него болитъ? «Вотъ тутъ я раненъ,» возразилъ незнакомецъ въ тоскѣ и съ безпокойствомъ хватаясь за ружье, при малѣйшемъ шумѣ, производимомъ Маргаритою за дверью и нѣсколько разъ взводя курокъ. «Раненъ? Несчастный!» сказалъ дѣдъ мой съ живѣйшимъ состраданіемъ, «покажите-ка, оставьте вашъ страхъ; у меня вы безопасны.»

Неизвѣстный склонился на столь радушную привѣтливость, снялъ свое верхнее платье, и дѣдъ мой увидѣлъ, что онъ раненъ пулею по ниже плеча въ мясистую часть руки. «Э, э, плохо дѣло, вы жестоко ранены,» сказалъ онъ: «въ такомъ состояніи вамъ необходимы покой и попеченіе, и сего-дня вы должны остаться у меня!»

— «Ни какъ не могу,» сказалъ Шуанъ съ новымъ жаромъ; «чрезъ нѣсколько минутъ я долженъ удалиться, одолжите мнѣ, почтенный мой хозяинъ, лоскутокъ холстины!»

— «Ну, такъ позвольте мнѣ перевязать вамъ ра-

ну, » сказалъ добрый старикъ, побѣжавъ за масломъ и пластыремъ и хотя дрожащею, но искусною рукою перевязалъ нетерпѣливому рану его.— « Богъ васъ вознаградитъ!» произнесъ неизвѣстный. Пойдемте въ тотъ садъ, чрезъ который пришелъ я къ вамъ, и подарите мнѣ на дорогу пару яблоковъ, изъ тѣхъ, которыми вы подчивали меня съ такимъ человѣколюбивымъ состраданіемъ, и которые мнѣ такъ понравились. Вы подали руку помощи несчастному, но, не недостойному того!— « Бѣдный мой король! Бѣдное мое отечество!» вскричалъ онъ выйдя уже въ сѣни.

Вдругъ, по близости деревеньки, раздался выстрѣлъ! Будто электрическимъ ударомъ пораженный, чудный гость перепрыгнулъ чрезъ садовый заборъ и изчезъ изъ глазъ дружелюбнаго хозяина.

***

Вскорѣ, въ окрестностяхъ деревни, послышался шумъ; нѣсколько егерей проскакали верхомъ; выстрѣлы послѣдовади за выстрѣлами. Наконецъ наступила совершенная тишина. Дѣдъ мой, стоя у дверей своего дома, пристально смотрѣлъ вдаль, съ безпокойствомъ ожидая, чѣмъ все это кончится. Въ это время приблизились къ его жилищу четверо солдатъ, тащившихъ раненаго. Старикъ тотчасъ узналъ въ немъ своего гостя, раненаго саблею въ голову и всего облитаго кровію.

Едва плѣнникъ открылъ глаза, лучъ радости блеснулъ въ нихъ, ибо и онъ узналъ друга человѣчества. «Стаканъ воды,» прошепталъ онъ. »» Позвольте мнѣ однако перевязать его раны,» » сказалъ добрый старикъ солдатамъ.—«Ему и безъ того надо умереть, на гильотинѣ-ли, отъ сабельнаго-ли удара, все равно; потому что этотъ роялистъ надѣлалъ намъ много хлопотъ,» отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ; однако они согласились на просьбу благотворительнаго старика, который обмылъ плѣннику рану; потомъ сдѣлалъ ему и другую перевязку, между тѣмъ какъ Маргарита, по его приказанію, угощала солдатъ виномъ и хлѣбомъ. Плѣнникъ, воспользовавшись нѣкоторыми минутами, когда стражи его не присматривали за нимъ, прошепталъ своему благодѣтелю прерывисто: «самимъ Богомъ умоляю— другъ мой! отецъ мой!—за деревнею, въ лощинѣ— моя злополучная жена — бѣдныя мои дѣти!!»

Вотъ все, что боль и оглушеніе отъ удара позволили ему выговорить. Сильный обморокъ лишилъ его чувствъ, и въ такомъ состояніи солдаты положили его на подвезенную вскорѣ тѣлегу, на которой и повезли его въ сопровожденіи солдатъ куда ожидала его участь.

Дѣдъ мой, не взирая на то, чрезвычайно пораженный происшедшимъ въ его глазахъ въ столь краткое время, ни мало не медля поспѣшилъ на сказанное незнакомцемъ мѣсто; ибо убѣдительная просьба уми-

рающаго пріуготовляла его къ такому зрѣлищу, гдѣ содѣйствіе его было необходимо; и онъ уже положилъ въ душѣ своей обѣтъ, если встрѣтитъ еще несчастнаго, помочь своимъ совѣтомъ и помощію.

Къ ужасу своему увидѣлъ онъ тѣло хорошо одѣтой женщины, грудь коей была прострѣлена пулею.

Стараясь узнать не осталось-ли въ убитой хотя малѣйшаго признака жизни и удостовѣрясь, что она не менѣе, какъ уже за часъ испустила духъ, услышалъ онъ по близости въ кустарникѣ рыданіе и вопль. Подойдя туда, увидѣлъ онъ двухъ мальчиковъ, изъ коихъ старшему было не болѣе семи, а младшему пяти лѣтъ; они прижавшись одинъ къ другому, трепетали всѣмъ тѣломъ. Нельзя было обмануться, что они были дѣти его несчастнаго гостя, коего благородныя черты отражались на ихъ лицахъ. «Маменька умерла. — Папеньку солдаты убили; — друзья наши разбѣжались!» — Болѣе ничего не могъ добиться добрый старикъ отъ плакавшихъ дѣтей. — Уговаривая ихъ кроткимъ голосомъ, взялъ онъ ихъ на руки, воззрѣлъ на заходящее солнце и сказалъ торжественно: «*Бѣдныя сироты! я буду вашимъ отцемъ!*»

*

Пять лѣтъ прошло съ того времени; эпоха ужасовъ изчезла во Франціи; на развалинахъ королевскаго трона возвысился мужъ, герой, *Наполеонъ*. Въ званіи перваго консула управлялъ онъ Франці-

ею, и передъ могуществомъ его желѣзной воли смирился господствовавшій раздоръ партій; твердою рукою доставилъ онъ спокойствіе трепетавшему государству; многія побѣды въ близи и въ дали возвели военныя силы Франціи на первѣйшую степень. Между тѣмъ, дѣдъ мой, въ мирѣ съ своею совѣстію, спокойно прожилъ эти бурныя времена. Вѣрный основнымъ правиламъ гражданина, безъ ропота повиновался онъ господствующимъ законамъ; и такимъ образомъ всѣ опасности, всѣ страданія пронеслись мимо его, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда.

Однажды, послѣ обѣда, благородный старецъ сидѣлъ передъ домомъ своимъ въ тѣни развѣсистой липы; по сторонамъ его сидѣли два бодрые мальчика; онъ читалъ имъ библію и такъ занимался съ ними о предметахъ святой религіи, что по внимательности и преданности малютокъ, равно и по сердечнымъ поученіямъ старца, всякъ могъ подумать, что малютки родные его внуки и единственная радость маститой его старости: внезапно подошелъ къ нему офицеръ высшаго чина, обнялъ испугавшагося старика, потомъ схватилъ дѣтей съ ихъ мѣстъ и столь сильно, столь пламенно прижалъ къ своей груди, что они громко вскрикнули, а старикъ отъ страха едва было не упалъ.

«Неужели вы не узнали вашего гостя, благородный старецъ! того, котораго съ опасностію соб-

ственной жизни вы у себя накормили, пеклись о ранахъ его, спасли отъ смерти! — А что сдѣлали для дѣтей моихъ! — Кто въ мірѣ можетъ вознаградить васъ за то, какъ поступили вы съ ними по вашему человѣколюбію!»

««Неужели! возможно-ли? — васъ-ли я вижу? — или изъ мертвыхъ вы воскресли? — А этотъ мундиръ?»»

«Моя исторія очень коротка,» возразилъ Генералъ-Лейтенантъ де-Бельмонъ. «Когда меня, тяжело раненаго, увезли отъ васъ и сдали въ ближайшую крѣпость, то начали мнѣ дѣлать мучительнѣйшіе допросы. Происходя изъ хорошей фамиліи, будучи извѣстенъ и отличаясь приверженностію къ прежнему королевскому дому, гнушаясь ужасами государственнаго переворота, происходившими въ Парижѣ, былъ я изгнанъ изъ моего помѣстья и присоединился къ войску, которое вело въ Вандеѣ малую войну, сначала съ нѣкоторымъ успѣхомъ; но наконецъ оно было разбито, и я съ немногими изъ нашихъ приверженцевъ, будучи отрѣзанъ отъ прочихъ передъ вашею деревнею, рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Моя злополучная жена, скрывавшаяся отъ непріятелей въ лѣсочкѣ, увидѣвъ, что я раненъ, съ отчаяніемъ и горестнымъ воплемъ бросилась къ преслѣдовавшимъ насъ, и передъ моими глазами упала мертвая, пораженная пулею. —

Такое сцѣпленіе поразившихъ меня злополучій тронуло и самихъ судей моихъ.

Пока они еще медлили произнести надо мною смертный приговоръ, царство ужаса рушилось; новое правительство приняло кротчайшую систему и явились уже не кровожадные законы. По выздоровленіи отъ ранъ, былъ я прощенъ и отправленъ къ арміи въ южную Францію. Человѣку, потерявшему столь много и столь часто смѣло встрѣчавшему смерть, недоставало только случая, свое презрѣніе жизни показать на ратномъ полѣ. Такіе случаи, въ первые годы Французской республики, встрѣчались почти на каждомъ шагу; и фортуна какъ будто-бы хотѣла по крайней мѣрѣ вознаградить меня за то, чего не возвратимо лишила въ коварствѣ своемъ. Со степени на степень возвышался я, и нынѣ видите вы меня въ состояніи доказать вамъ, по крайней мѣрѣ, желаніе безпредѣльной благодарности. Вы были отцемъ моимъ дѣтямъ; я сдѣлался таковымъ для вашего единственнаго сына. Онъ служитъ въ моемъ полку, и завтра, надѣюсь, будетъ онъ въ вашихъ объятіяхъ. Въ воспоминаніе-же о яблокѣ, чрезъ подареніе коего сдѣлался я вашимъ гостемъ, вы должны принять отъ меня въ подарокъ домъ, въ Страсбургѣ мною для васъ купленный и на щитѣ у коего изображено: *красное яблоко.*

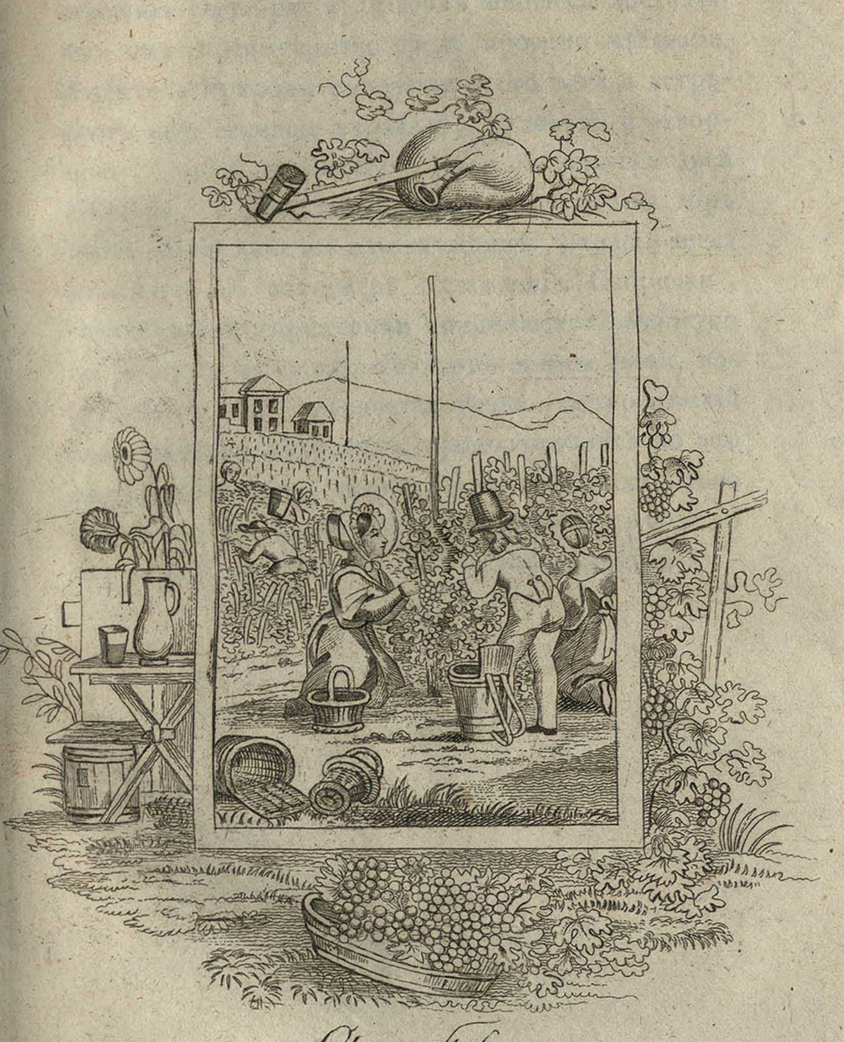
«Вотъ вамъ исторія моего дѣда,» сказалъ Г. ф. Линденштейнъ внимательно слушавшимъ дѣтямъ. Подаренный моему дѣду домъ стоилъ значительной цѣны; доброе хозяйство моего отца умножили это имѣніе. И мы сами все еще живемъ въ этомъ домѣ, оставленномъ нами на нѣсколько недѣль, чтобы удовольствія городской жизни промѣнять на удовольствія, доставляемыя сельскою.

Такимъ образомъ, ты видишь, любезный Юлій, что подарокъ одного яблока, или, лучше сказать, оказанное къ несчастному человѣколюбіе и состраданіе устроило благополучіе твоего предка и наградило всѣхъ его потомковъ. Хотя я не желаю, чтобы ты, подаривъ пастуху корзину яблоковъ, послѣдовалъ внушеніямъ самолюбія, ибо въ такомъ случаѣ твое человѣколюбіе будетъ лицемѣріемъ, заслуживающимъ всякое презрѣніе, впрочемъ, милыя дѣти, замѣтьте: *что всякое доброе дѣло, получая себѣ достойное воздаяніе въ будущей жизни, уже награждается и въ семъ мірѣ.*

X.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ болѣе сумрачныхъ холодныхъ нежели ясныхъ, теплыхъ дней; быстрота, съ коей изчезаетъ зелень луговъ и полей, скорое и совершенное опаденіе листьевъ, приближеніе зимы, туманы, подавляющіе атмосферу, темные вечера и ночи, суровые пронзительные вѣтры, — все это уже не привлекаетъ человѣка наслаждаться сельскою жизнію и нерасполагаетъ сердца его къ радости. Въ этомъ мѣсяцѣ совершается собраніе винограда — одинъ изъ торжественнѣйшихъ праздниковъ для тѣхъ странъ, гдѣ имѣются виноградники; въ городахъ начинаются вечернія собранія; наступаетъ самая пора охотиться за звѣрями, рыбная ловля производится уже неводами: — эти увеселенія, свой-

Октябрь.

ственныя Октябрю, въ глазахъ многихъ доставляютъ ему преимущество предъ прочими мѣсяцами. Любитель природы въ теченіи этого мѣсяца встрѣчаетъ еще станицы журавлей, куликовъ и скворцовъ; мухи переводятся уже съ первыхъ дней Октября, и еще до половины сего мѣсяца міръ насѣкомыхъ кажется изчезнувшимъ. Около 8 числа замѣчаютъ въ атмосферѣ охлажденіе. Скорняки, стекольщики, горшечники принимаются ревностно за работу, въ окна вставляютъ зимнія рамы, поправляютъ печи, начинается топка. Летаргическій сонъ многихъ животныхъ, продолжающійся во всю зиму, начинается въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца. — 1 Октября солнце всходитъ въ 6 ч. 13 м, утра, закатывается въ 5 ч. 47 м., вечера.

НЕПОСТОЯНСТВО СЧАСТІЯ.

1810

Г-жа Ф. *Блюдорнъ*, вдова комерціи совѣтника, была съ избыткомъ награждена всѣмъ, что только можетъ возбудить удивленіе и даже зависть обыкновенныхъ людей. Мужъ ея, не много лѣтъ тому назадъ умершій, пришелъ въ нашу страну съ котомкой за плечами и двумя талерами въ карманѣ; нуждаясь въ самомъ необходимѣйшемъ, но будучи при томъ разсчетливъ и неутомимъ, завелъ онъ мелочной торгъ шерстью, которую сперва скупалъ фунтами по деревнямъ у крестьянъ, на себѣ таскалъ ее въ столицу и перепродавалъ торгующимъ оною; потомъ, съ пособіемъ скопленныхъ денегъ, началъ контрактоваться и съ хозяевами стадъ, не рѣдко еще прежде нежели шерсть была снята съ овецъ, и наконецъ сдѣлался въ состояніи производить торговлю въ бо́льшемъ объемѣ.

Съ одной стороны желѣзное терпѣніе, ни съ чѣмъ несравненное умѣнье приноравливаться къ людямъ и ихъ нравамъ, соединенныя съ величайшею бережливостію и разсчетливое соображеніе съ обстоятельствами времени, — съ другой стороны: точность, вѣрность въ словѣ, основательность въ дѣлахъ съ непостижимою быстротою разпространили его предпріятія, и наконецъ доставили ему такое богатство, что онъ безспорно сталъ на ряду съ первѣйшими купцами въ государствѣ. За однимъ счастливымъ торговымъ оборотомъ слѣдовалъ другой; обстоятельства времени, коими банкиръ Блюдорнъ умѣлъ воспользоваться, докончили остальное, и уже у него считали капитала до двухъ милліоновъ. Чего, по его происхожденію, недоставало къ заведенію блестящихъ связей, умѣлъ онъ замѣнить выгодною женитьбою, получилъ званіе совѣтника коммерціи, заслугами-же въ отечественной торговлѣ достигъ дворянскаго достоинства; всѣмъ этимъ доставилъ онъ своему дому большой блескъ.

Хотя многое измѣнилось въ его отношеніяхъ, но банкиръ Блюдорнъ, лично самъ по себѣ, былъ все тотъ-же, какъ пріучилъ себя въ юности: прилеженъ, дѣятеленъ, остороженъ, честенъ. Раздавая тысячу гульденовъ для бѣдныхъ жителей города, онъ непремѣнно отказалъ-бы тому приказчику, по оплошности коего получилъ-бы хоть грошъ убытка.

Его семейственное благополучіе было умножено рожденіемъ сына, котораго воспитывали съ неизъяснимою нѣжностію и заботливостію. Въ спальнѣ его были зеркальныя стѣны, мебель самая отличнѣйшая; колыбель обита серебромъ, три или четыре няньки были готовы къ его услугамъ; а когда закричитъ, то весь домъ, отецъ, мать, прислуга, даже конторщики являлись въ суматохѣ, съ подобострастіемъ готовые исполнять малѣйшее его желаніе, — вотъ блестящая эпоха дѣтства единственной отрасли, о тѣлесномъ благѣ коей, но не о душевномъ, матушка съ такою нѣжностію заботилась, что малютка по осьмому году своего возраста, въ которое время батюшка скончался, еще не умѣлъ и читать.

Когда онъ, хотя здоровый и крѣпкій тѣломъ, но слабый умомъ и съ пустотою въ сердцѣ, достигъ двѣнадцати лѣтъ, наставники его одинъ за другимъ оставили домъ г-жи Блюдорнъ. Наскучивъ ихъ жалобами и неудовольствіями, наконецъ рѣшилась она нанять домашняго учителя, и просила знакомаго начальника училищъ пріискать въ эту должность какого нибудь терпѣливаго, очень бѣднаго, но способнаго исполнить учительскую обязанность, студента изъ обучавшихся въ высшемъ училищѣ. Комерціи совѣтница въ этомъ отношеніи не помрачила славы разсчетливаго духа ея супруга. Сколь ни блестящъ былъ образъ ея жизни, хотя одни ея на-

ряды ежегодно стоили многихъ тысячь, хотя ливрея ея слугъ, пышность экипажей, столъ, вечернія собранія, роскошнѣйшія нежели при жизни мужа ея, поглощали огромныя суммы; но въ отношеніи воспитанія ненагляднаго сынка, котораго берегла она какъ зѣницу ока, соблюдала она такую бережливость, которая прославила-бы первые годы жизни ея супруга, когда онъ въ разноску торговалъ шерстью. Она хотѣла, чтобъ наставникамъ ея дражайшаго сыночка былъ убогій юноша, дабы повелѣвать имъ по своему произволу и за неизчислимые труды и огорченія—платить самую бездѣлицу.

Карлъ Раппъ назывался молодой человѣкъ, обучавшійся въ главномъ училищѣ правовѣдѣнію и имѣвшій счастіе быть избраннымъ коммерціи совѣтницею въ наставники къ ея сынку. Ни гордый и пренебрежительный пріемъ, ниже надутость и своевольство питомца, ни ничтожность предложеннаго вознагражденія за труды, ниже безнадежность въ успѣхахъ своего старанія, ничто не могло отвратить угнетеннаго бѣдностію молодаго человѣка, принять на себя обязанности воспитателя такого мальчика, нравственныя качества котораго были совершенно испорчены. Онъ возложилъ на себя обѣтъ, употребить всѣ силы, чтобы по возможности содѣйствовать добру и съ твердостію перенести всѣ непріятности и притѣсненія. До сего времени въ бѣдности и горести проводилъ онъ свои учебные годы,

живъ сперва благотвореніями добрыхъ людей, и обученіемъ дѣтей сникнивая весьма ограниченныя средства къ существованію. Имѣть возможность окончить курсъ наукъ, не борясь съ заботами о дневномъ пропитаніи, казалось ему достаточнымъ возмездіемъ за труды и огорченія. Коммерціи Совѣтница заставила его подписать договоръ, коимъ онъ обязался, въ теченіи пяти лѣтъ заниматься, въ званіи домашняго учителя, обученіемъ и воспитаніемъ ея сына.

Но уже на другой день, по вступленіи въ эту должность, одно обстоятельство побудило его разкаяться въ принятіи на себя такой обязанности; но онъ былъ столько честенъ, что рѣшился во всякомъ положеніи хранить свято единожды изъявленное согласіе. Коммерціи-Совѣтница обходилась съ нимъ не лучше, какъ съ самымъ послѣднимъ слугою въ домѣ; служители ея, получая больше жалованья и будучи лучше одѣты нежели бѣдный Раппъ, старались, за то, что онъ удалялся отъ нихъ, мстить ему насмѣшками, сплетнями и клеветами; хотя трудно было переносить такія огорченія, но привыкшій къ терпѣнію Раппъ преодолѣлъ все это съ меньшимъ прискорбіемъ, нежели совершенную испорченность своего воспитанника, на котораго нисколько не дѣйствовалъ ни голосъ любви, ни голосъ строгости. Зная слабость своей маменьки, онъ совершенно разрушалъ всѣ старанія добраго, честна-

го и умнаго наставника. «Я богатъ,» говорилъ онъ ему, такъ очень нужно мнѣ, какъ какому нибудь бѣдняку, которому ѣсть нечего, мучиться надъ книгами! Если вы прилежно учитесь правамъ, такъ вамъ-же лучше; я когда нибудь сдѣлаю васъ управителемъ въ моемъ помѣстьѣ.

Изъ одного этого можно заключить, до чего дошло съ молодымъ Блюдорномъ. Однако тѣмъ не менѣе, въ продолженіи двухъ безконечныхъ лѣтъ, г Раппъ не оставилъ ни одного способа безъ испытанія, чтобы въ заброшенномъ юношѣ возбудить иныя мнѣнія и чувствованія; но всѣ труды его остались тщетны. Огорченіе и прискорбіе о томъ разстроили его здоровье, и можетъ быть онъ изнемогъ-бы подъ бременемъ своего плачевнаго положенія, если-бы злобность питомца не освободила его отъ онаго.

Г. Раппъ съ строгостію и твердостію хотѣлъ взыскать съ своего питомца за одинъ проступокъ, не исправляясь въ которомъ, оказалъ онъ самонравіе и безчувственность въ высшей степени. Молодой Блюдорнъ подняль съ своимъ учителемъ такой крикъ, какъ будто кто рѣзалъ его; вся прислуга, а наконецъ и сама мать прибѣжали къ нимъ въ комнату. Не давъ учителю сказать ни одного слова, злобный юноша, прибѣгнувъ къ постыдной и хорошо выдуманной лжи; безъ дальнаго размышленія закричалъ: «вообразите себѣ, маменька, г. Раппъ

ругалъ васъ глупою разряженною куклою! Когда я ему сталъ въ томъ противорѣчить и хотѣлъ удержать его отъ ругательствъ, то онъ уже осмѣлился бить меня.»

Раппъ столь былъ пораженъ и изумленъ наглостію и злостною ложью своего питомца, что стараніе его, найти слова къ своему оправданію, и тогда-бы осталось тщетно, если-бы даже и Коммерціи Совѣтница дала ему къ тому достаточное время. «Сію минуту выгнать его изъ моего дома,» вскричала она своимъ слугамъ; «да, смотрите, чтобы никогда и нога его не была здѣсь.»

И такъ, послѣ короткаго суда, уволили г. Раппа. Попытки его, писменно защитить себя передъ Коммерціи-Совѣтницею, не имѣли никакого успѣха, даже не получилъ онъ и свидѣтельства о службѣ своей, и во многихъ мѣстахъ былъ принужденъ слышать, сколь жестоко и безчеловѣчно судили о немъ въ домѣ ея. Это случилось передъ началомъ академическаго года, въ Октябрѣ 1810, въ помѣстьѣ Коммерціи Совѣтницы Блюдорнъ, находившемся въ близкомъ разстояніи отъ столичнаго города.

1834.

Пропустимъ въ молчаніи время, прошедшее въ теченіи цѣлыхъ 24 лѣтъ. Дѣйствіе происходитъ въ тотъ-же самый день Октября мѣсяца и въ томъ-же

самомъ мѣстѣ. Въ приложенной къ сему мѣсяцу картинкѣ видимъ мы передъ замкомъ роскошные виноградные сады; въ замкѣ торжествуютъ праздникъ собиранія винограда. Семейство помѣщика, состоящее изъ прекраснаго мальчика и двухъ любезныхъ дѣвочекъ, радуется празднику, между тѣмъ какъ въ прелестныхъ виноградникахъ, собиратели и собирательницы винограда усердно занимаются своею работою. Этотъ видъ можетъ дать достаточное понятіе о богатствахъ и пріятностяхъ помѣстья, на хозяйственное улучшеніе коего Комерціи Совѣтникъ ф. Блюдорнъ употребилъ столь значительныя суммы денегъ, а вдова его давала тамъ для городскихъ знакомыхъ столь блистательные праздники. Госпожа Блюдорнъ уже умерла. Положеніе этой фамиліи измѣнилось во многомъ: Коммерціи-Совѣтница уже значительно убавила имѣніе мужа. — Помѣстье, коимъ столько гордились и радовались Блюдорны, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, досталось другому владѣльцу, Президенту трибунала юстиціи, человѣку весьма уважаемому во всемъ государствѣ.

Въ это самое время докладываетъ ему сельскій старшина, что онъ захватилъ бродягу, который тѣмъ подозрительнѣе кажется, что никакъ не хочетъ сказать о своемъ имени и мѣстопребываніи. Президентъ, которому не хотѣлось въ своемъ помѣстьѣ, во время праздника собиранія винограда, встрѣтить

кого либо печальнымъ, приказалъ привести къ себѣ пойманнаго. По видимому весьма бѣдный, больной человѣкъ, въ лохмотьяхъ, весь въ пыли, на лицѣ коего изображалось разстройство, является передъ нимъ, прося чтобъ удостоили его милости, переговорить съ г. Президентомъ наединѣ.

«Кто вы таковы?» спросилъ помѣщикъ, коль скоро по данному знаку удалился старшина, «говорите со мною откровенно и будьте увѣрены, что я сдѣлаю все, что человѣчество можетъ а законы позволятъ исполнить.»

«Я Блюдорнъ,» сказалъ заикаясь пойманный, «я былъ наслѣдникъ и нѣкогда владѣлецъ этого помѣстья.»

«Вы, бывшій мой воспитанникъ?» вскричалъ, г. ф. Раппъ.

«Какое измѣненіе земнаго счастія!» вскричалъ бѣдный Блюдорнъ, щеки коего оросились крупными слезами, «вамъ уже извѣстно, что образъ жизни моей несчастной матери, а болѣе мое собственное легкомысліе и невѣжество расточили все имѣніе моего отца. Безъ всякой пользы проведя лѣта юношества, и получивъ въ собственное распоряженіе оставшееся послѣ родителей имѣніе, я промоталъ его. А какъ теперь меня нигдѣ не хотятъ держать, то и пришелъ я въ то мѣсто, гдѣ родился, и гдѣ, по крайней мѣрѣ, дозволятъ мнѣ умереть. Господинъ Президентъ! вы, какъ человѣкъ, прилежаніемъ сво-

имъ, способностями и дарованіями пріобрѣтшій то, чего я по свойствамъ, противнымъ вашимъ добродѣтелямъ, лишился, спасите отъ голодной смерти достойнаго сострраданія; окажите добро тому, кто болѣе, нежели двадцать лѣтъ тому назадъ причинилъ вамъ зло!»

Довольно и этой назидательной сцены, которая, исключая вымышленныхъ именъ, совершенно справедлива. Г. фонъ Раппъ помѣстилъ Блюдорна въ число служащихъ въ его канцеляріи и обходился съ нимъ съ истиннымъ снисхожденіемъ и щадящею кротостію. Несчастія и нужда, лучшіе наставники человѣка, по крайней мѣрѣ довели его до того, что онъ признавалъ свои проступки, и искренно оплакивалъ недостатокъ познаній, который даже въ его новомъ, весьма подчиненномъ положеніи, часто причинялъ ему очень сильное огорченіе. Пребываніе его въ помѣстьѣ ежедневно представляло дѣтямъ Президента наставленіе, и самъ онъ часто упрашивалъ то сына, то дочерей своего начальника, и благодѣтеля, ради самаго Бога взять предостерегательный примѣръ изъ происшествій его жизни и не упускать безъ пользы скоро-преходящаго времени юности.»

—⁂—

XI.

Ноябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ осень кончается. Въ поляхъ пустота и унылость, туманы, короткіе и дождливые дни, мрачныя ночи: вотъ что приводитъ съ собою Ноябрь. Въ утренніе и вечерніе часы являются стада дикихъ гусей и утокъ, поспѣшно удаляющихся въ теплѣйшія страны и летящихъ строемъ, на подобіе треугольника; за то показываются предвѣстники зимы, вòроны и ворòны, станицами въ нѣсколько сотенъ. — Въ деревняхъ, пряхи и ткачи ревностно занимаются работою. Все спѣшитъ укрыться въ теплѣ; домашній скотъ и птицы уже въ конюшняхъ, хлѣвахъ, овчарняхъ, птичникахъ; лисицы, хорьки и ласточки закрадываются въ курятники, ибо въ поляхъ имъ уже нечѣмъ питаться. — Въ городахъ начинаются вечернія собранія, открываются кабинеты чтенія, так-

Ноябрь.

же карточная игра и театръ доставляютъ желающимъ свои пріятности. Чтобъ забыть печальный видъ природы, въ домашнемъ кругу съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ищутъ разсѣянія и удовольствія. Въ первой половинѣ этого мѣсяца любитель охоты спѣшитъ въ поля и лѣса съ гончими и борзыми, дабы насладиться травлею звѣрей. 1. Ноября восходитъ солнце въ 7 ч. 8 ми. по полуночи, а закатывается въ 4 ч. 25 м. по полудни.

Маленькій птицеловъ.

Величайшее сельское удовольствіе для юношей въ осеннее время заключается въ птицеловствѣ. Пріуготовленія къ этой забавѣ, надежда на успѣхъ, борьба между властію ловца и врожденною осторожностію и удивленія достойною хитростію жертвы, радость при удачѣ, неописанное удовольствіе при поимкѣ красующагося цвѣтомъ перьевъ воздушнаго жителя; за тѣмъ наслажденіе, доставляемое яснымъ осеннимъ утромъ, видъ пустынныхъ полей и лѣсовъ, а притомъ преимущественнѣе всего, невинный, полный надеждъ, веселый характеръ юности: кто можетъ изобразить расположеніе духа, вліяніе коего при сихъ обстоятельствахъ распространяется на всѣхъ? Мерцаніе зари возбуждаетъ множество надеждъ, веселая работа при заготовленіи силковъ и западней доставляетъ пріятнѣйшее разсѣяніе, первый отголосокъ на призывный звукъ приманной птички, гонитъ всю кровь отъ сердца

въ лице и румянитъ щеки; потомъ исполненная страха тишина, ожиданіе и бореніе между заботливостію о безуспѣшной ловлѣ и надеждою на полученіе выгоды, прилетъ и отлетъ птичекъ, кои нерѣдко, будучи почти уже въ совершенной власти ловца, съ злобною радостію насмѣхаются надъ нимъ и, предостерегая своихъ единоплеменниковъ пронзительнымъ голосомъ, спѣшатъ удалиться отъ угрожающей имъ опасности, не обращая вниманія на всѣ сладостныя приманки и съ тѣмъ, чтобъ болѣе никогда уже не возвращаться; и напослѣдокъ—по толикихъ трудахъ, послѣ столь медленнаго, терпѣливаго ожиданія, удачный ловъ! Уже у насъ въ рукахъ прелестная по красотѣ своихъ перьевъ птичка, мы не налюбуемся на нее, не знаемъ какъ ее приласкать и потомъ безопасная клѣтка становится ея жилищемъ! — Что значатъ противъ этого всѣ сокровища Перу! Чего стоитъ противъ только что пойманнаго зяблика извѣстный большой португальскій бриліантъ? Съ достовѣрностію можно сказать, что Наполеонъ, въ ту минуту, когда возложилъ на свою главу Императорскую корону, не ощущалъ того чувства высшаго восхищенія, которое ощущаетъ мальчикъ, когда первая, имъ пойманная синица, тщетно старается освободиться изъ его, отъ радости трепещущей, руки!

Когда я былъ ребенкомъ, сколько радостей доставляло мнѣ это занятіе. Оно было наградою за

прилежаніе въ теченіи безконечныхъ 10-ти мѣсяцевъ, кои проводилъ я въ гимназіи въ трудахъ и занятіяхъ. Добрый мой отецъ помогалъ мнѣ и совѣтомъ и дѣломъ при этомъ невинномъ удовольствіи; съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ, я былъ ужъ готовъ. Имѣя завтракъ въ карманѣ, силки и приманныхъ птичекъ въ рукахъ и за плечами, отправлялся я къ мѣсту ловли, сопровождаемый кѣмъ нибудь изъ нашихъ соучениковъ, или изъ братьевъ моихъ. И вотъ то раздастся мой свистокъ, то запоютъ мои приманныя птицы, то вдругъ послышится вдали, потомъ все ближе и ближе голосъ какой нибудь одной пташки, тутъ двухъ, тамъ въ двадцать, во сто голосовъ зачирикуютъ, защебещутъ, запоютъ перелетныя птички — и когда онѣ слетятся, когда лучи восходящаго солнца отразятся на ихъ прелестныхъ, блестящихъ перьяхъ, когда долины огласятся ихъ пѣніемъ, когда въ это-же время зашевелятся и листья и вѣтви, тогда, удерживая дыханіе, устремлялъ я неподвижный взоръ на таинственное мѣсто, желая имѣть тысячи способовъ, чтобы безцѣнную добычу заманить въ сѣти и западни — и если попадалась одна птичка, потомъ другая подвергалась той-же участи, сколько радости, сколько восхищенія о полученной прибыли!

Такъ счастіе человѣка существуетъ въ его воображеніи; такъ всѣ вещи на свѣтѣ имѣютъ только ту цѣну, какую самъ онъ полагаетъ имъ въ своемъ

мнѣніи. Я имѣлъ много радостныхъ минутъ; получалъ значительныя суммы въ такое время, когда бывалъ въ крайности и ни откуда не ожидалъ ихъ; я пользовался благоволѣніемъ, наслаждался внезапнымъ благополучіемъ, упоительною радостію, шумными удовольствіями; но ни одно удовольствіе, ни какая радость, сколько мнѣ извѣстно по долговременному опыту, не могла сравниться съ тою радостію, которую ощущалъ я, поймавъ въ первый разъ синицу!

Вѣроятно многимъ изъ моихъ юныхъ друзей, живущихъ во время ваканціи въ деревнѣ, бываетъ случай насладиться этимъ невиннымъ удовольствіемъ; а потому для нихъ не будетъ непріятно, если я, соображаясь съ ихъ понятіемъ и положеніемъ, опишу имъ способы и искусство птицеловства, которымъ могли-бы они заняться, не какъ ремесломъ, а единственно для доставленія себѣ удовольствія, легкаго и не требующаго особеннаго пріуготовленія; я увѣренъ, что мой маленькій птицеловъ будетъ для нихъ занимателенъ, не менѣе иной, наполненной чудесами, повѣсти.

1. Ловля западнями и ловушками.

Этотъ способъ ловить птицъ древній и очень простъ; навѣрное сперва дѣлали для этого изъ бузинныхъ вѣтвей четыреугольные ящички, съ крыш-

кою и дномъ, что умѣетъ сдѣлать всякой деревенскій мальчикъ. Крышка дѣлалась подвижная, утверждаемая на двухъ палочкахъ, изъ коихъ посрединѣ на одной привязывали прикормъ. Какъ скоро птичка клюнетъ его, въ то-же время палочка падаетъ, а съ ней и крышка, захлопывая такимъ образомъ и жадную птичку. Этотъ родъ западни, столь часто употребляемый въ деревняхъ, подалъ поводъ къ изобрѣтенію улучшенныхъ ловушекъ, кои сперва дѣлались на подобіе клѣтокъ изъ тонкихъ деревянныхъ палочекъ, потомъ изъ проволоки, напослѣдокъ желѣзныя съ нитяными сѣтками. Оба первые рода отличаются лучшимъ устройствомъ лучковъ. Тутъ не нужно, чтобъ птичка и дотрогивалась до прикорма; ей достаточно прыгнуть на защелку, и легкая крышка въ мигъ упадетъ. Для прикорма въ этихъ западняхъ кладутъ орѣхи, тыквенное, льняное сѣмя, а лучше всего посаженнаго на прутикъ, или привязаннаго ниткою червя. Симъ способомъ ловятъ въ эти западни не только всѣ породы птицъ, но маленькихъ дятловъ, рѣполововъ, гиль, разныхъ мухоловокъ. — Послѣднія западни, какъ замысловатѣйшая выдумка, употребляются для ловли почти однихъ соловьевъ, потому что зиньки и другія сильнѣйшія птички легко прорываютъ нитяныя сѣтки.

При ловлѣ западнями много зависитъ отъ искусной постановки захлопывающихъ подпорокъ; нужно также,

чтобы крышка могла упасть при малѣйшемъ прикосновеніи, прикормъ долженъ быть приличный; напослѣдокъ, для постановленія западней выбирать такое мѣсто, куда птички часто и во множествѣ слетаются. Для этого удобнѣе укрѣплять западню на не слишкомъ густолиственномъ деревѣ, нежели у подоконниковъ или на стѣнахъ. Много содѣйствуетъ удачѣ, когда по близости отъ западни, или даже подлѣ ней повѣсить клѣтку съ хорошообученною приманною птичкою.

Этотъ способъ птицеловства, хотя и не весьма избыточенъ, но за то имѣетъ свои преимущества: 1-е что не требуетъ особеннаго пріуготовленія и труда — стоитъ приглядѣть раза три — и 2, что пойманная птичка сохраняетъ всю чистоту своихъ перьевъ и не подвержена опасности быть въ чемъ-либо поврежденною, чего никакъ не льзя избѣгнуть при другихъ средствахъ птицеловства.

Впрочемъ ловля западнями въ удобныхъ мѣстахъ не безуспѣшна бываетъ въ то время, когда птицы начинаютъ отлетать въ теплѣйшія страны, а именно съ начала Сентября до первыхъ чиселъ Ноября.

II. Ловля лучками и прутьями, намазанными птичьимъ клеемъ.

«Лучками или щелкушками нынѣ рѣдко ловятъ, и хорошо дѣлаютъ, по той причинѣ, что этотъ спо-

собѣ жесточе всѣхъ прочихъ средствъ. Лучекъ есть родъ палки, похожей нѣсколько на ружейный стволъ; въ верху дѣлается она съ выемкою, въ которую входитъ желѣзный или деревянный прутъ, толщиною въ шомполъ; этотъ прутъ на вершокъ повыше выемки укрѣпленъ пружиною, но при малѣйшемъ прикосновенiи уходитъ въ выемку. Изъ этого видно, что всѣ тѣ птицы кои сядутъ на прутъ; быстро попадаются во власть птицелова, который сжимая ихъ ножки въ выемкѣ, пресѣкаетъ имъ всѣ средства къ спасенiю; конечно при этомъ случаѣ ножки бѣдной твари бываютъ помяты или при, старанiи къ освобожденiю, даже переломлены.

Этотъ способъ заключается въ слѣдующемъ: птицеловъ изъ густыхъ вѣтвей или изъ зеленой клеенки устроиваетъ себѣ шалашъ; въ одно отверстiе онъ можетъ видѣть все, вокругъ его происходящее, а въ другое между тѣмъ выставляетъ щелкушки. Подъ ними ставятся клѣтки съ приманною зинькою, а подлѣ, на поставленномъ почти отвѣсно шестѣ, привязываются ниткою еще птички двѣ, такъ что онѣ по этому шесту могутъ бѣгать и вверхъ и внизъ. А чтобъ въ царствѣ пернатыхъ произвести большее вниманiе, въ разстоянiи на 5 или на 6 шаговъ, отъ этого шеста привязываютъ къ другому, который долженъ быть выше, сову, сыча, а за неимѣнiемъ ихъ молодую кошку, которая натурально что есть силы мяучитъ. Когда

все это готово, ловецъ начинаетъ кричать по совиному, свистя между тѣмъ громко въ дудочку, звукъ коей походитъ на голосъ зинекъ. Отъ такого крика и свиста во всемъ лѣсу между птицъ дѣлается тревога, и онѣ, по большей части предостерегаемыя сперва крикомъ ласточекъ, слетаются сотнями на приманный голосъ. И тогда всѣ тѣ, кои посядутъ на лучки, чтобъ лучше разсмотрѣть щебещущихъ подъ ними приманныхъ птичекъ, на вѣрное будутъ въ рукахъ птицелова. Чѣмъ болѣе бьются онѣ, чѣмъ громче кричатъ, пронзительнѣе пищатъ, тѣмъ любопытнѣе становятся прочія и тѣмъ скорѣе подаются на подставляемые лучки. Такимъ образомъ эта ловля при благопріятствующихъ обстоятельствахъ въ утренніе часы отъ $6\frac{1}{2}$ до 9 часовъ (только въ это время можно производить ее съ успѣхомъ) доставляетъ сотни и болѣе птичекъ, но почти всѣ изъ рода зинекъ и синицъ.

Такимъ-же способомъ, только безъ лучковъ, ловятъ прутьями, намазанными птичьимъ клеемъ, разныхъ отлетныхъ птицъ. Этотъ способъ при нѣкоторой пріятности, имѣетъ и свои недостатки. Не только у птицелова руки бываютъ всегда въ клею, но и перья птичекъ мараются. Къ тому-же этими прутьями можно ловить только въ сухую погоду и въ тѣни; ибо туманы или мокрота портятъ клей, а отражающійся въ немъ солнечный блескъ

предостерегаетъ птичекъ отъ угрожающей имъ опасности.

Эти прутья прикрѣпляютъ къ нарочно для того устроенному столбику, вышиною въ ростъ человѣческій, иногда болѣе, иногда менѣе, или-же просто втыкаютъ ихъ вкозь въ землю близь того мѣста, гдѣ разсажены приманныя птицы. Въ первомъ случаѣ прутья должны быть не короче аршина, въ послѣднемъ не короче фута. — Отъ деревьевъ и кустарниковъ должны они находиться шаговъ почти на десять, къ столбикамъ прикрѣплять ихъ какъ можно слабѣе, такъ чтобъ они чуть, чуть держались, дабы птички тотчасъ падали съ ними на землю, въ противномъ случаѣ имъ удобно будетъ избѣжать отъ грозящей опасности. Пойманную такимъ образомъ птичку, если хотятъ ее сберечь, надобно какъ можно тщательнѣе обмыть отъ прилипшаго къ ней клея, такъ чтобъ онаго ни сколько на ней не оставалось. Ловля намазанными клеемъ прутьями производится также только утромъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно ловить и вечеромъ перелетныхъ птицъ. Симъ способомъ легко ловятся снигири, синицы, лазоревки, хвостовки, овсянки, многія породы мухоловокъ и даже полевые воробьи.

III. Ловля на водопой.

Этотъ способъ ловленія птичекъ самый прибыльной и тѣмъ очень забавенъ, что можно безъ при-

манной дудочки и безъ приманной птицы ловить различнѣйшихъ птицъ. Надобно отыскать такой родничекъ, чтобы на довольно значительное пространство вокругъ него не было другаго и чтобы въ этомъ мѣстѣ только къ нему слетались пернатые жители лѣсовъ утолять жажду свою, или купаться въ струяхъ его. За нѣсколько дней до начатія ловли большую часть родника покрываютъ хворостомъ, оставляя птичкамъ только маленькія отверстія для купанія и питья; потомъ въ теплый, ясный день края этихъ отверстій обкладываютъ тонкими намазанными клеемъ прутиками, такъ что птицы ни съ которой стороны не могутъ приблизиться къ водѣ, не задѣвъ хоть одной изъ разкладенныхъ чурочекъ, которыя должны быть гибки, тонки и положены на деревянныхъ развилочкахъ, чтобы въ воду не упали, и ни земля, ни листья къ нимъ не пристали. Если мѣсто выбрано удобное, то на цѣлый день можно ожидать весьма изобильной добычи. Есть такія заведенныя для птицъ водопойныя мѣста, что за разъ попадается ихъ болѣе тысячи; тутъ найдете вы кедровокъ, сивоворонокъ, желтыхъ, черныхъ и обыкновенныхъ дроздовъ, дикихъ голубей, безчисленное множество зинекъ, дятловъ, пищухъ, рѣполововъ, мухоловокъ, и вообще всѣхъ пернатыхъ обитателей лѣсовъ; — ибо пить всѣ хотятъ.

Въ чащахъ и безводныхъ лѣсистыхъ мѣстахъ, для благополучной ловли достаточно вкопать въ

землю какія-нибудь посудины (четвероугольные изразцы формою своею удобнѣе всего для этой цѣли), наполнить ихъ водою; потомъ обложить кругомъ упомянутыми прутьями. Само собою разумѣется, что необходимо должно чаще надсматривать и прутья держать въ особенной чистотѣ.

IV. Ловля силками.

Силки ставятъ болѣе для дроздовъ и нѣкоторыхъ маленькихъ птичекъ, питающихся насѣкомыми. Ловлею дроздовъ занимаются такіе охотники, кои искусно умѣютъ дѣлать силки. Прикормомъ служатъ извѣстныя ягоды, до коихъ дрозды падки и лишь только птица дотронется до прикорма, въ ту-же минуту запутывается въ силкахъ; случается иногда, что силокъ крѣпко затягиваетъ ее, и ловецъ находитъ жертву свою уже мертвою. Ловля силками маленькихъ птицъ не прибыльна, требуетъ при томъ много труда и терпѣнія, и въ дѣйствіи своемъ безчеловѣчнѣе всѣхъ другихъ способовъ птицеловства. Да ею рѣдко занимаются и то по большей части безуспѣшно.

V. Ловля на току.

Ловля на току содержится къ прочимъ способамъ птицеловства, какъ оптовая торговля къ розничной. На полѣ, не слишкомъ отдаленномъ отъ лѣса и господ-

ствующемъ надъ окрестными мѣстами на такое разстоянiе, чтобы призывный голосъ, нарочно для того прiученной, по большей части лишенной зрѣнiя, птицы, можно было слышать въ далекѣ, насаживаютъ кустарникомъ фута на два, въ коемъ ставятъ клѣтки съ исправными приманными птицами и такъ прячутъ клѣтки, что нельзя ихъ замѣтить; къ числу приманныхъ птичекъ принадлежатъ заблики, овсянки, жаворонки, щегленки, подорожники и т. п. На полѣ растилаютъ двѣ длинныя наволочныя сѣти, такимъ образомъ, чтобъ, лишь дернутъ за проведенную отъ нихъ веревку, могли онѣ покрыть кустарникъ. Въ разстоянiи отъ этого мѣста шаговъ на 8 устроивается шалашъ для птицелова, который, ожидая съ нетерпѣнiемъ своей добычи, держитъ въ рукахъ веревку, посредствомъ коей управляетъ сѣтьми.

На приложенной къ описанiю Ноября мѣсяца картинкѣ изображенъ такой птицеловный токъ и самая ловля. Мальчикъ затягиваетъ сѣть надъ приманенными птичками; изъ за него видно маленькую его сестру, которая, отъ радости о пойманной добычѣ, съ трудомъ можетъ удержать свое волненiе и говорливость.

XII.

Декабрь.

Природа погружена въ глубокомъ снѣ. Часто еще прежде этого мѣсяца зима покрываетъ ослѣпительно-бѣлымъ саваномъ покоющуюся землю. Кажется, все предается горести; дни краткіе и мрачные. Человѣкъ, немогши найти утѣшенія па поляхъ, лишенныхъ жизни, имѣетъ еще наслажденіе въ блескѣ звѣздъ, ярко въ это время сіяющихъ по ночамъ. Въ Декабрѣ всѣ горожане предаются баламъ, зрѣлищамъ и другимъ шумнымъ увеселеніямъ; деревенскіе жители живутъ тихо, уединенно. 1 Декабря солнце восходитъ въ семь часовъ 46 минутъ утромъ, садится въ 4 часа 14 минутъ вечера.

Декабрь

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ

ВЪ

РОЖДЕСТВО.

БОГАТСТВО И УБОЖЕСТВО.

1.

Кто привыкъ жить въ изобиліи и шумномъ удовольствіи, тому неизвѣстны горести и страданія бѣднаго. Добрая Баронесса Ризенъ не думала о томъ, что подарки, которые уже нѣсколько времени каждый день носили за нею, когда она возвращалась въ свои комнаты, могли причинить огорченіе живущей въ томъ-же домѣ женщинѣ, сердце коей наполнено было такими-же чувствами, такою-же нѣжностію, такою-же любовію къ дѣтямъ, но у которой не было ни денегъ, ни средствъ исполнить въ сочельникъ столь сладостное желаніе.

Въ томъ-же домѣ, гдѣ жила Баронесса Ризенъ, въ нижнемъ этажѣ нанялъ комнатку одинъ отстав-

ной уѣздный чиновникъ съ женою и двумя дѣтьми, 8 лѣтнимъ сыномъ и 4 лѣтнею дочерью. Съ сердечною грустію видѣла Г-жа Гербертъ, какъ Баронесса привозила съ собой разныя покупки, и едва обращала мысленно взоръ на свою участь и на положеніе дѣтей своихъ, слезы невольно текли изъ глазъ ея, и хотя она всегда далека была отъ гнусной зависти, однако не могла истребить въ себѣ замѣчанія, выражающаго жалобу на судьбу.

ЖАЛУЮЩАЯСЯ ЛЮБОВЬ И УТѢШАЮЩІЙ РАЗСУДОКЪ.

2.

Въ сочельникъ послѣ обѣда была она точно въ такомъ расположеніи духа, когда вошелъ къ ней мужъ ея. « Ахъ! сказала она, » сего-дня вечеромъ вездѣ будутъ веселиться! Вонъ у тѣхъ, что живутъ вверху, уже нѣсколько дней все хлопочутъ и суетятся! А мы чѣмъ обрадуемъ нашихъ бѣдныхъ малютокъ! У насъ нѣтъ ничего!

— Какъ! возразилъ Г. Гербертъ, « развѣ это ничего, что ты и наши дѣти, всѣ мы здоровы? Правда, положеніе наше незавидно; но и въ этомъ самомъ положеніи нельзя не признать предвѣчнаго промысла. Мы еще никогда не ложились спать голодны; я все-таки работою моею могу кое-что достать на содержаніе, и если въ теперешнемъ утѣ-

сненіи и тамъ и сямъ обманула меня надежда — однако я твердо уповаю, что Господь поможетъ и намъ.»

«Да отъ чего-же нѣкоторые люди живутъ въ свѣтѣ такъ счастливо, другіе-же въ трудахъ, въ горести проводятъ жизнь свою?» спросила жена.

«Ты судишь о людяхъ и о ихъ благополучіи только по наружности; я-же въ глубинѣ души увѣренъ, что много есть богатыхъ, которые при всѣхъ своихъ сокровищахъ въ великолѣпныхъ своихъ чертогахъ менѣе довольны своею участію, нежели мы въ нашей горенкѣ. Повѣрь, милая Луиза, ты не помѣняешься со многими знатными и богатыми дамами! При томъ-же не забудь, что ты христіанка! Ты вѣдь знаешь, что вся эта жизнь предъ вѣчностію менѣе песчинки на днѣ морскомъ; ты вѣдь вѣруешь, что тамъ — въ небѣ есть нелицепріемный Судія, который тѣмъ, коихъ болѣе любитъ, попускаетъ терпѣть и страдать.

О, сколь кратко это время испытанія противъ того неизмѣримаго, неизъяснимаго пространства времени, гдѣ все уравнивается, гдѣ нѣтъ ни заботъ ни печали, а царствуетъ безконечная радость!»

«Баронесса Ризенъ какихъ, какихъ не накупила вещей дѣтямъ въ подарки,» — сказала опять по нѣкоторомъ молчаніи бѣдная женщина, «вотъ щастливая мать!«

«Я душевно уважаю ихъ,» сказалъ Гербертъ, «и если они столь счастливы, какъ ты говоришь, то они заслуживаютъ того; всюду говорятъ о ихъ человѣколюбіи и добросердечіи; только опасаюсь я, что ихъ старшій сынъ идетъ не по стопамъ добраго родителя; чрезмѣрная нѣжность и доброта его матушки, кажется, не служатъ, къ его благополучію. Здѣсь въ домѣ говорятъ, что онъ уже и прежде велъ себя легкомысленно, бѣгалъ отъ школы, и при хорошихъ способностяхъ убивалъ драгоцѣнное время и свелъ знакомство съ дурными людьми. Отецъ долженъ этимъ очень огорчаться, и хотя желаетъ, но не имѣетъ необходимой твердости настоятельными средствами дать сыну лучшее направленіе въ опаснѣйшихъ лѣтахъ жизни. Что пользы во всѣхъ богатствахъ міра, ежели Всевышній накажетъ насъ и однимъ дурнымъ, несчастнымъ дѣтищемъ! Милая, добрая Луиза! помоги мнѣ воспитывать дѣтей нашихъ въ страхѣ Божіемъ, образовать ихъ добрыми и трудолюбивыми людьми, и тогда мы нашу безцѣнную парочку, нашего добраго Франца, нашу кроткую Терезу, не промѣняемъ на всѣ земныя сокровища.»

Да, дѣти у насъ хорошія, добрыя,» сказала Г-жа Гербертъ; «въ теченіи всей недѣли они ни чѣмъ не причинили мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія, оттого я и грущу, что сего-дня ничего не могу подарить имъ для завтрашнаго праздника.»

« Ну, такъ за этимъ дѣло не станетъ,» прервалъ Гербертъ, цѣлуя свою добрую жену, «я пойду къ богачу Никольсу, которому переписывалъ счетныя книги, и получу отъ него за работу. Изъ этихъ денегъ куплю дѣтямъ по какой нибудь бездѣлушкѣ. Не безпокойся, если я не скоро ворочусь: Г. Никольсъ живетъ далеко. — А ты между тѣмъ припаси ёлку, да маленькихъ восковыхъ свѣчекъ, потому что при свѣтѣ подарки нравятся болѣе.»

Вдругъ отворилась дверь, Францъ пришелъ изъ училища, а Тереза, игравшая въ тѳ время съ сосѣдними дѣтьми, увидя брата, бросилась къ нему и, обнявъ его, вошла вмѣстѣ съ нимъ. И тотъ и другой разсказывали, какіе подарки надѣялись получить ихъ товарищи и подружки отъ своихъ родителей: « знаете-ли что, любезный папенька, милая маменька!» вскричали оба, «Іисусъ Христосъ и вамъ и намъ пошлетъ по подарочку, вамъ за то, что вы такъ добры, а намъ за то, что мы васъ такъ любимъ.»

Г. Герберъ взялъ шляпу и палку, и, поцѣловавъ дѣтей, пошелъ.

3 Скромность и честность всегда найдутъ себѣ подпору.

Человѣку, одаренному отъ Бога хорошею образованностію, твердымъ, покойнымъ нравомъ, истин-

нымъ благочестіемъ и разумомъ, злополучіе никогда не покажется столь грознымъ, какимъ является оно слабому и неимѣющему упованія. Такъ точно и Г. Гербертъ,—не смотря на постигшую его плачевную участь, не смотря на оказанную ему несправедливость, чрезъ которую, по коварству и пронырству одного изъ его враговъ, было отнято у него мѣсто, доставлявшее немаловажный доходъ и онъ съ женою и дѣтьми подвергся жестокой бѣдности, — выдержалъ всѣ тяжкія испытанія, не упалъ духомъ и не утратилъ упованія на безконечную благость Того, Кто блюдетъ смертныхъ и предъ Кѣмъ изочтены всѣ власы главы ихъ. Если когда, при взглядѣ на милыхъ сердцу его, видѣть коихъ было для него въ тысячу разъ прискорбнѣе, нежели самому терпѣть всѣ недостатки, огорченіе и мрачныя заботы закрадывались въ сердце его, то одного взора на ясную лазурь небесъ, одного благочестиваго помышленія о руководствѣ человѣческихъ судебъ было достаточно исполнить душу его несомнѣнною надеждою, что *рано-ли*, *поздно-ли*, *доброму воздастся добромъ*. Гербертъ, если-бъ былъ не столь совѣстливъ и остороженъ, могъ-бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ составить себѣ состояніе, при коемъ ему не было-бы и надобности тужить о потерѣ мѣста; но даже и въ горестныя минуты онъ не раскаявался, что остался вѣренъ и худо признанной честности. И именно въ этомъ -то положе-

нiи во всей силѣ чувствовалъ онъ, что на мрачномъ пути жизни у человѣка нѣтъ инаго свѣтильника кромѣ *чистой совѣсти.* Это познанiе, въ противоположность другимъ, давало ему важную благородную наружность, взоръ его былъ всегда твердъ, обхожденiе непритворное, открытое; такъ своимъ видомъ, своимъ образомъ выраженiя, своими словами и поступками, внушалъ онъ къ себѣ соучастiе и снискалъ человѣколюбивое вспомоществованiе въ такое время, когда гнусное себялюбiе все оскверняло.

По приходѣ къ богачу Никольсу былъ онъ имъ принятъ очень дружески. « Исполнивъ такъ хорошо и съ такою точностiю порученное мною вамъ дѣло, вы меня премного обязали,» такъ началъ Никольсъ, «и я долженъ признаться, что назначенная вами за труды незначительная цѣна служитъ мнѣ доказательствомъ вашей скромности. Мнѣ извѣстно жалкое положенiе, въ которое впали вы столь незаслуженнымъ образомъ; и для меня было-бы весьма прiятно имѣть возможность извлечь васъ изъ такого прискорбнаго состоянiя. Кажется, и случай есть къ тому. Покупая сегодня у Барона Ризена шерсть, разговорился я съ нимъ о вашемъ несчастiи, и узналъ, что въ его мѣстечкѣ Н, есть праздное мѣсто казначея. Онъ хотѣлъ съ вами переговорить; живетъ же онъ... ««Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и я съ семействомъ недавно нанялъ квартиру въ нижнемъ

этажѣ,»)) возразилъ Гербертъ въ изумленіи и трепеща отъ радостной надежды.

«Ну, такъ не мѣшкайте же,» продолжалъ Г. Никольсъ, «предложите ему ваши услуги. Онъ хорошій человѣкъ, и потому умѣетъ цѣнить хорошихъ людей. А вотъ, извольте получить, тутъ вдвое противъ того, что вы просили за ваши труды, и если я въ другомъ чемъ могу быть вамъ полезенъ, то готовъ съ радостью все сдѣлать для васъ.»

Гербертъ трогательно благодарилъ благороднаго Никольса. Онъ разстался съ нимъ покоенъ, утѣшенъ и исполненъ пріятнѣйшихъ надеждъ. «Въ самомъ дѣлѣ, не правду-ли дѣти сказали,» говорилъ онъ самъ себѣ съ біющимся сердцемъ, «что Христосъ не оставитъ ихъ и насъ своимъ милосердіемъ?

— Что касается до дѣтей, то предсказаніе уже исполнилось; для моей доброй жены и меня Господь большія чудеса являлъ! твердо уповаю на Его всесильную помощь!»

4. Приключеніе на улицѣ.

Между тѣмъ смерклось; ибо въ Декабрѣ уже въ 5 часу послѣ обѣда наступаетъ вечеръ. По дорогѣ отъ предмѣстья, гдѣ жилъ Г. Никольсъ, до квартала Герберта, ему надобно было проходить довольно большимъ пустыремъ, на которомъ, кромѣ складенныхъ для продажи дровъ, не было ни одного дома,

ни одной избушки, только кое-гдѣ горѣли фонари. На занесенной снѣгомъ улицѣ ни на встрѣчу, ни по пути, не попался ему ни одинъ человѣкъ; холодъ и желаніе купить что-нибудь дѣтямъ въ подарокъ, побуждали его торопиться, чтобъ поскорѣе придти въ городъ.

Внезапно, въ одномъ, изъ заваленныхъ съ трехъ сторонъ лѣсомъ и дровами, мѣстъ раздался жалобный крикъ о помощи. Гербертъ увидѣлъ драку трехъ человѣкъ; двое изъ нихъ уже повалили третьяго; дѣло было не на шутку, мѣшкать не для чего, Гербертъ скорыми шагами подошелъ туда. «Стой! закричалъ онъ, что это значитъ!» схвативъ за руку одного изъ мошенниковъ, другой-же убѣжалъ. «Ахъ, я раненъ вопилъ лежащій на землѣ; и когда Гербертъ обратилъ свой взоръ къ нему, то тотъ, котораго схватилъ онъ за руку, вырвался, хотѣлъ ударить его изо всей силы по головѣ, но, промахнувшись, попалъ по плечу и убѣжалъ за своимъ товарищемъ, видя, что на крикъ Герберта и раненаго спѣшили уже двое караульщиковъ.

«Злодѣи напали на меня нечаянно,» сказалъ раненный юноша, не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду,» помогите мнѣ; рана кажется неопасна. Гербертъ поднялъ на ноги несчастнаго, который отъ страха и холода почти не двигался, и повелъ, или, лучше сказать, потащилъ къ ближайшему фонарю.

« Вы-ли это? ради самаго Бога!» вскричалъ Гербертъ, когда лучи свѣта озарили лице юноши, « Баронъ Ризенъ! и въ такомъ положеніи!»

Въ самомъ дѣлѣ Гербертъ скорою своею помощію спасъ жизнь сыну Барона. Онъ сорвалъ съ него сюртукъ, и скоро удостовѣрился, что нанесенная рана была вовсе неопасна. « Возможно-ли, г. Баронъ,» спросилъ Гербертъ, « чтобъ вы попались въ руки этихъ разбойниковъ въ такомъ мѣстѣ?

« Къ сожалѣнію я заслужилъ этотъ урокъ,» отвѣчалъ юноша, глубоко вздохнувъ; »оставимте это мѣсто, не станемъ дѣлать никакого шума; потому что судебное изслѣдованіе этого приключенія не принесетъ чести моему имени. Чистосердечное признаніе предъ вами, въ моихъ заблужденіяхъ, думаю я, будетъ первымъ шагомъ къ исправленію поведенія, послѣдствія коего знать и ихъ опасаться я научился.

Маменька моя, любя дѣтей своихъ, можетъ быть выше мѣры, всегда снабжала меня деньгами, и потому не удивительно, что въ Академіи нашлось у меня множество друзей. Въ числѣ тѣхъ, кои оказывали мнѣ особенную приверженность, были и проидохи, развратнѣйшихъ свойствъ люди, цѣль коихъ состояла только въ томъ, чтобъ опорожнить мой туго набитый кошелекъ. Они ввели меня въ свѣтъ, были изобрѣтательны на удовольствія, которымъ въ мои лѣта предаются такъ охотно, и от-

влекли меня не только отъ моихъ родителей, отъ блаженныхъ чувствованій, внушенныхъ мнѣ въ дѣтствѣ, но даже и отъ занятій науками; мы проходили разныя степени жизни, неимѣющей никакой цѣли и ничѣмъ неудовлетворяющей, напослѣдокъ достигли игорнаго дома и остановились передъ зеленымъ столомъ. Я много потерялъ, и болѣе, нежели деньгами, спокойствіемъ и веселостью характера. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ было достаточно отчуждить меня отъ родителей, отъ всего свѣта.

«Но какъ попали вы сюда, и въ такое положеніе?» спросилъ Гербертъ.

«Сего дня игралъ я счастливо: — игорный домъ находится, по основательнымъ причинамъ, внѣ городскаго округа; — я выигралъ довольно значительную сумму денегъ. Кто таковы злодѣи, кои хотѣли меня ограбить, и можетъ быть убили-бы, ибо мое сопротивленіе заставило ихъ покуситься на самую крайность, я не знаю; но подозрѣваю, что имъ не неизвѣстно о моемъ сегоднешнемъ выигрышѣ, что они... ну, какъ-бы то ни было, не хочу и отгадывать мерзкой загадки! Это приключеніе прекрасный для меня урокъ, да и вообще, я уже съ давняго времени борюсь самъ съ собою; мнѣ такъ отвратительна, такъ гадка стала жизнь, которую я еще недавно велъ, что вотъ здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, обѣщаюсь передъ Богомъ и передъ вами, другомъ моимъ, вовсе оставить шайку, которая вела меня

въ пропасть, и въ исполненіи моихъ обязанностей буду стараться отыскать то спокойствіе, потерю коего столь горько оплакиваю.

«Такія намѣренія, любезный Баронъ,» сказалъ Гербертъ, очень тронутый благороднымъ объясненіемъ юноши, «дѣлаютъ честь вашему сердцу. О если-бы только не были они произведеніемъ минутнаго порыва! Дай Боже, чтобъ они навсегда были твердо и вѣрно сохранены! Позвольте-же и мнѣ за откровенность заплатить откровенностію; я и многіе другіе, знавшіе васъ только по наружности, сердечно сожалѣли о случившейся съ вами перемѣнѣ; да и кто-бы не принялъ прискорбнаго участія въ судьбѣ молодаго человѣка, подающаго о себѣ большія надежды, и который, приближаясь къ прекрасной цѣли, уклоняется на путь пагубы?»

«Повторяю мою клятву! Наблюдайте за моимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ,» сказалъ юноша, да, требуйте отъ меня во всемъ отчета. — Я отъ васъ, какъ отъ друга моихъ родителей, никогда и ничего не скрою!»

Въ такихъ разговорахъ, между назидательныхъ, исполненныхъ сердечнаго соучастію наставленій Герберта, и пламенныхъ обѣщаній молодаго Барона, пришли они домой. Гербертъ упросилъ юношу на минуту зайти къ нему, чтобы стереть съ платья кровь, и перевязать его незначительную рану: «Ваши родители могутъ испугаться болѣе,» сказалъ

онъ, «нежели чего стоитъ маловажность нанесеннаго удара.»

5. Счастливый вечеръ.

Коль скоро молодой Баронъ поправился и привелъ платье свое въ такой порядокъ, что уже ему нечего было опасаться испугать своею наружностію родныхъ своихъ, то простился съ честнымъ Гербертомъ и его женою. Послѣ этого дѣти приступили къ Герберту, посматривая между тѣмъ на сосновую вѣтку, украшенную свѣчками. «Милыя дѣти!» сказалъ Гербертъ, «занявшись молодымъ Барономъ Ризеномъ и его участью, я вовсе позабылъ не только о вашихъ подаркахъ, но и о сочельникѣ. Жалко мнѣ васъ; да теперь уже и поздно, къ тому-же я и усталъ; оставьте ваши подарки до завтра и помните, что много разъ въ жизни обманетесь въ прекраснѣйшихъ вашихъ ожиданіяхъ, будучи обнадежены въ исполненіи вашихъ желаній.» Бѣдныя дѣти, какъ ни тяжело было для нихъ утаить свою горесть, безпрекословно повиновались волѣ отца. Они подсѣли къ нему, и онъ началъ разсказывать имъ о спасительномъ для всего міра рождествѣ Искупителя, и какъ съ этого, блаженнаго для человѣчества, времени вошло въ обычай торжествовать навечеріе праздника Рождества Христова благочестивыми молитвами и раздаваніемъ даровъ любви; какъ въ это время особенно радуются добрыя дѣти,

и какъ основаніемъ всему есть драгоцѣннѣйшій и величайшій для нихъ даръ небесъ, заключающійся въ жизни ихъ родителей, здоровьи и хорошемъ воспитаніи.

Онъ продолжалъ еще разговаривать съ Францомъ и Терезою, какъ вдругъ кто-то сильно застучался въ дверь, и молодой Баронъ ф. Ризенъ поспѣшно вошелъ къ нимъ въ горницу. «Еще разъ вижусь съ вами сего дня, почтеннѣйшій г. Гербертъ,» сказалъ онъ своему новому другу; батюшка, которому я признался во всѣхъ моихъ шалостяхъ, и въ томъ, что со мной случилось нынѣшнимъ вечеромъ—потому что чистосердечное сознаніе въ проступкахъ почитается первымъ шагомъ къ исправленію—желаетъ, чтобы вы, ваша супруга и дѣти, теперь-же пожаловали къ нему. Ему угодно, чтобы Францъ и Тереза приняли участіе въ сегоднешнемъ дѣтскомъ праздникѣ, маменька уже приготовила и для нихъ кое-что. Сдѣлайте одолженіе, пойдемте поскорѣе; свѣчи уже зажжены.»

«Какая внезапность,» сказалъ Гербертъ. «Господи! какъ, и въ этомъ домашнемъ платьѣ!» говорила жалкимъ голосомъ жена его. «Христосъ родился! праздничное дерево увидимъ!» восклицали въ радости дѣти.

Молодой Баронъ недалъ времени изумленнымъ придти въ себя; съ добросердечною веселостію понуждалъ онъ на лѣстницѣ все семейство идти по

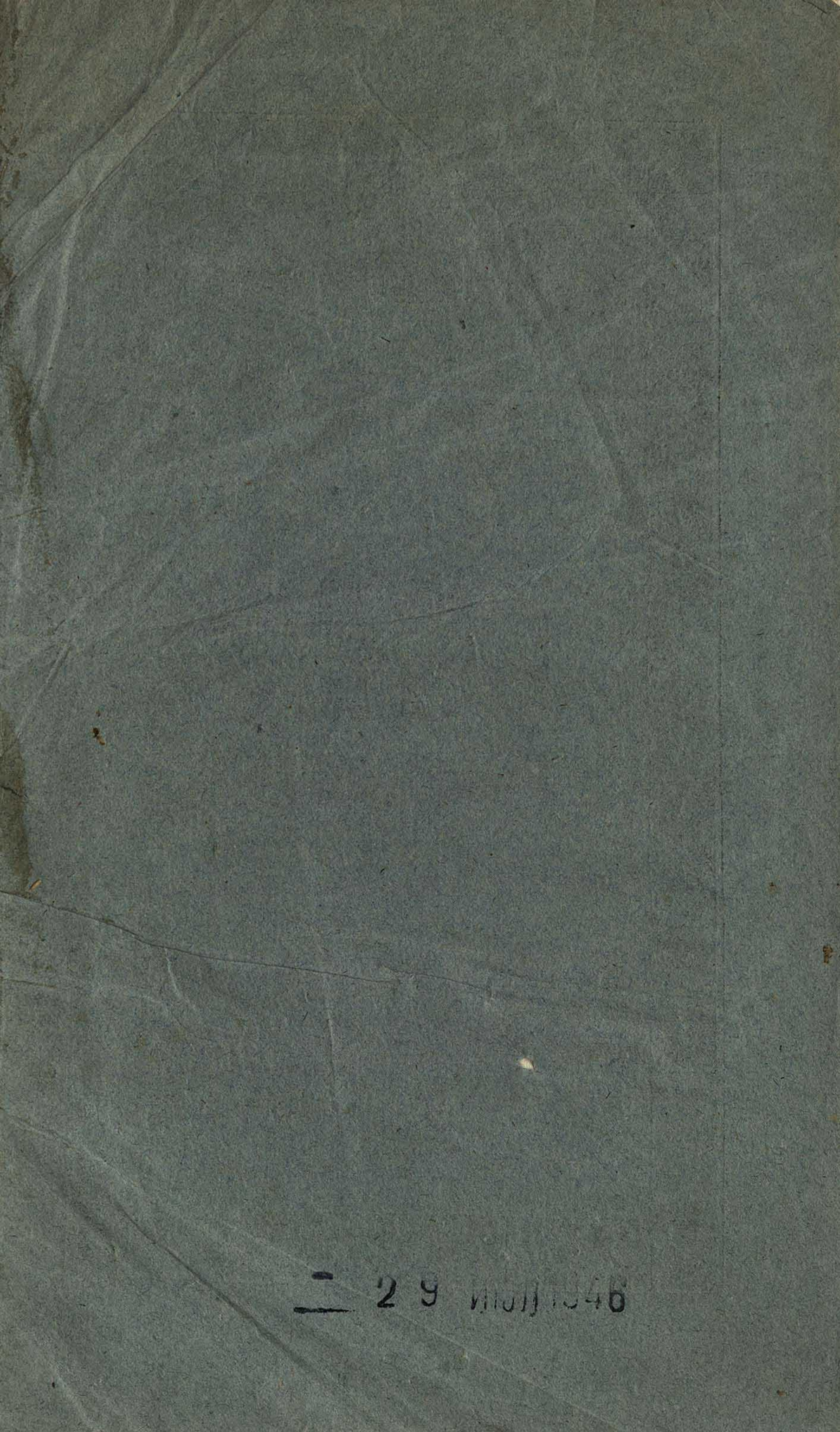
скорѣе вверхъ. Очень дружески принялъ Баронъ ф Ризенъ честнаго Герберта. «Г. Никольсъ говорилъ сего дня со мною о васъ, « такъ началъ онъ, « а разсказъ моего сына возложилъ на меня въ отношеніи къ вамъ такую обязанность, которой я, какъ отецъ, во всю жизнь не забуду. Ежели вы не имѣете причинъ отказываться, то поздравляю васъ главнымъ казначеемъ моихъ помѣстьевъ, и прошу быть другомъ моего семейства. Поручаю вамъ, любезнѣйшій г. Гербертъ, моего Адольфа, и если вы сердцу его, не совсѣмъ еще умершему для добра, почаще будете внушать такія правила, какъ сегодня, то надѣюсь, онъ не заставитъ меня раскаяваться въ моей безконечной къ нему любви.»

Г. и госпожа Гербертъ при такомъ пріемѣ не могли отъ радости выговорить ни одного слова. « Каковъ сегоднешній праздникъ! Какое неожиданное счастіе! вскричали наконецъ добрые люди.

«Дѣти, дѣти!» прервала Баронеса, «что-же вы нейдете къ праздничному деревцу? ступайте, ступайте миленькіе!» Она ввела малютокъ въ богатоубранную комнату, гдѣ четверо младшихъ ея дѣтей уже любовались поставленнымъ на столѣ праздничнымъ деревомъ, и увидя новыхъ товарищей, съ громкимъ восклицаніемъ встрѣтили ихъ. На приложенной картинѣ видимъ мы самаго младшаго изъ дѣтей госпожи ф. Розенъ, протягивающаго рученку за приманчивыми лакомствами, въ чемъ помогаетъ ему Францъ

Гербертъ. Тереза принимаетъ назначенную для нее шляпку; а Отто Розенъ берется за саблю, которую предпочелъ скрипкѣ, книжкѣ и часамъ, висящимъ на деревѣ. Изъ-за поднятаго занавѣса Баронъ и Баронесса Ризенъ вмѣстѣ съ добрымъ Гербертомъ смотрятъ на веселящихся дѣтей, наслаждаясь ихъ невинною радостію. Гербертова-же супруга, никѣмъ не замѣчаемая, въ углу смѣжной комнаты молится Богу, коего безконечная благость исполняетъ радостію и старца и младенца.

КОНЕЦЪ.

29 ИЮЛ 1946

